

Ю. Г. Виноградов

ВОТИВНАЯ НАДПИСЬ ДОЧЕРИ ЦАРЯ СКИЛУРА ИЗ ПАНТИКАПЕЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СКИФИИ И БОСПОРА ВО II в. до н.э.

Самым значимым в историческом плане памятником, найденным при раскопках нового святилища на г. Митридат, следует, бесспорно, считать мраморный жертвенный стол — трапедзу с посвятельной надписью, исследование которой и составит предмет данной публикации¹.

Надпись нанесена в две строки на карнизе жертвенника, собирающегося по лицевой грани из пяти фрагментов так, что шрифтовое поле восстанавливается, судя по тексту, практически целиком: повреждена лишь последняя буква первой строки. Однако верхняя строка, к сожалению, в нескольких местах настолько сильно затерта, что нанесенные здесь буквы дошли в виде отдельных жалких штрихов либо исчезли вовсе. Произошло это оттого, что крышка трапедзы была вмонтирована в нишу святилища на уровне половины человеческого роста, и при совершении частых религиозных обрядов верхняя грань подвергалась систематическому вытиранию одеждами молящихся и жрецов. Тем не менее тщательное копирование остатков букв с учетом формульного построения текста позволяет восстановить стк. 1 со степенью достоверности, приближающейся к максимальной.

Надпись была нанесена не слишком опытным резчиком без предварительной разлиновки. Строки не выдержаны по высоте: первая как бы прилеплена к верхнему обрезу камня и заметно уже второй; обе строки не везде выдерживают строгую горизонталь, извиваясь змейкой; одни и те же буквы имеют часто различные очертания и разную плотность: в стк. 1 они вырезаны очень скученно, а в стк. 2 в двух местах и в конце оставлен даже *vacat*. Средняя высота букв стк. 1 — 0,8—1, стк. 2 — 0,9—1,2; *омикрон* значительно мельче прочих букв — 0,5; расстояние между строками колеблется от 0,2 до 1 см. (рис. 1, 2).

Остатки первых четырех букв надписи дают однозначно вычленяемую, чрезвычайно распространенную в эту эпоху формулу: *ὕπερ τοῦ θεῦτος*, обозначающую, за чье здоровье, благополучие, благоденствие и т. п. было сделано посвящение, включающую далее имя дедиканта, соответствующий глагол и имя божества в дат. над.² За предлогом после лакуны в две-три буквы по их остаткам надежно дополняется слово *βασιλέως*, за которым

¹ Об итогах раскопок святилища см. в статье В. П. Толстикова, публикуемой в этом же номере ВДИ; там же приведены основные габариты памятника. Автор выражает искреннюю благодарность начальнику Боспорской археологической экспедиции ГМИИ В. П. Толстикову за любезно предоставленную возможность опубликовать надпись и помочь в работе над нею.

² См. КБН 31, 32, 33, 34, 36, 75 (за царей); 6, 9, 11, 14, 17, 19, 23, 27, 318, 1037, 1039, 1074, 1117 (за частных лиц).

Рис. 1. Надпись дочери царя Скилура из Пантикапея

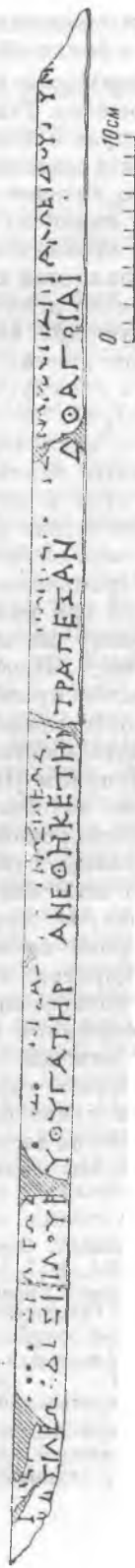

Рис. 2. Прорисовка надписи

следует еще одна лакуна в две-три буквы, затем явные остатки *сигмы*, за которой с большой степенью надежности дополняется [Πα]ρ[ι]σάδου [το]ῦ vel [υ]ίοῦ βασιλέως и после абсолютно стертого пространства в 6—7 букв снова Παρισάδου. Таким образом, структура этой части надписи ясна, но остается вопрос о заполнении лакун.

После ὑπέρ маловероятно ожидать [υ]ίοῦ или [το]ῦ ἐκ, поскольку имя лица, за которое ставилось посвящение, всегда занимает в votивных и почетных надписях место прежде патронимика. Поэтому ничего не остается, как предположить, что здесь стоял член [το]ῦ, хотя это также не находит параллелей на Боспоре и не типично для греческих посвящений вообще. Однако допускать здесь незаписанное пространство мешают слабые следы нижних кончиков гаст. После первого βασιλέως следует отказаться от дополнения, например, [νικη]ς, так как это слово не только не уместится в лакуну, но и не может разрывать царский титул и имя царя (ср. КБН 32, 33, 36). Исходя из этого, я не вижу иной возможности, как восстановить здесь слово [τρί]ς, которое должно в таком случае означать, что чествуемый надписью царь был «трижды» Перисадом, т. е. имел омонимичного отца и деда³.

Такое необычное для царских имен сокращение омонимичности, видимо, может быть объяснено тем, что резчик боялся не вместить в заранее заданное, ограниченное шрифтовое поле весь текст, а потому предпочел не повторять три раза τοῦ βασιλέως Παρισάδου, но ограничился кратким τρίς. Этому не противоречит следующее за именем сына [το]ῦ vel [υ]ίοῦ βασιλέως... Παρισάδου, которое должно было подчеркнуть, что данный царь был не просто дважды Перисадовичем, но принял власть из рук законного боспорского царя Перисада. Поэтому я не нахожу ничего более подходящего, как дополнить в следующей лакуне между титулом и именем топоним [Βοσπόρου?].

Прецедент подобной конкретизации царского титула до сих пор был встречен в боспорской эпиграфике впервые лишь с конца I — начала II в. н. э. у Савромата I (КБН 32, 3), однако в нашем случае ее употребление вызвано, по всей видимости, особыми причинами. Надпись вырезана по велению лица, не только пришедшего на Боспоре, но, главное, подчеркивающего (кроме прочего) свое происхождение от правителя другого — Скифского царства, а посему и уточняющего, что Перисад, в чью честь воздвигнут алтарь, происходил из боспорской царской фамилии.

За патронимиком перед трещиной, отделяющей два фрагмента стола, сохранился нижний уголок *сигмы*, а за ней — нижняя гаста *эпсилона*, заканчивающаяся характерным для шрифта всей надписи Zierstrich'ом; в следующей букве по едва заметной диагонали можно распознать *ню*, за которым могла стоять лишь *альфа* со стертой перекладиной. Таким образом, наиболее оптимальное чтение имени дедиканта — Σεραδωτίς⁴.

³ См. Koerner R. Die Abkürzung der Homonymität in griechischen Inschriften. — Stzb. Berlin, 1961, № 2. Наш пример добавляется к редчайшим случаям постановки числительного перед именем лица, приведенным в работе Р. Кёрнера (S. 60—64), которые даже этому гиперкритически настроенному автору не удалось убедительно элиминировать. Обычай сокращения омонимов появляется в греческих надписях (хотя и редко) как раз во II в. до н. э. (S. 136); на Боспоре он раньше был засвидетельствован с I в. до н. э. (S. 98 f.).

⁴ На предварительной стадии изучения надписи было предложено чтение Δηδωτίς, от которого теперь следует отказаться (Виноградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи. — В кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 590 сл.).

Оставшиеся слова сткк. 1 и 2 читаются четко и однозначно, так что весь текст надписи можно представить в следующем виде:

Ὑπὲρ [τοῦ?] βασιλέως [τρί]ς [Πα]ρισάδου [το]ῦ vel [υἱο]ῦ βασιλέως
[Βοσπόρου?] Παρισάδου Σεναμοτίς Ἡρακλείδου γυνή,
βασιλέως δὲ Σκιλοῦρ[ο]ῦ θυγάτηρ ἡ ἀνέθηκεν τὴν τράπεζαν τας. Διταγοίαι.

Перевод: За царя трижды Перисада, сына царя [Боспора] Перисада, Сенамотис, жена Гераклида и дочь Скилура, посвятила этот жертвенный стол Дитагойе.

Таким образом, надпись сообщает новые и, прямо скажем, неожиданные подробности из истории скифо-боспорских взаимоотношений: дочь знаменитого царя скифов Скилура, вышедшая замуж за боспорского грека по имени Гераклид, поставила в святилище на акрополе Пантикапея жертвенник в честь царя Перисада, посвятив его неизвестной нам доселе богине Дитагойе. Чтобы новый эпиграфический документ был, как ему подобает, осмыслен исторически, его следует вписать, по мере возможности, в более точные хронологические рамки. Для их определения у нас имеется несколько путей, прежде всего палеографический анализ.

Письмо нашего документа относится стилистически к так называемой эллинистической *Zierschrift* в ее развитом варианте. Этот стиль отличается манерностью исполнения букв, нарочитой изогнутостью их линейных элементов, обилием украшений, превратившихся из обыкновенных апексов в своеобразные отростки на концах таких литер, как *альфа*, *дельта*, *эпсилон*, *эта*, *каппа*, *лямбда*, *сигма*, *тау*. Перекладина у альфы прогибается, но не ломается; полукружия у *беты* и *ро* очень маленькие; гамма имеет непропорционально вытянутую по сравнению с вертикальной гостой горизонталь; *дзета* — изгибающийся причудливый завиток, не смыкающийся с горизонталями; усики *каппы* очень коротки; *омикрон* изображается в виде совсем крошечного кружочка; *пи* с разновеликими вертикалями и выступающей за их пределы поперечиной; *омега* иррегулярна — то смыкая усики, то нарочито расставляя их, она меньше габаритов строки. Такие элементы, как: укороченная сверху и снизу правая гаста у *эты*; приподымающаяся вправо горизонталь *дельты*; *лямбда*, задирающая правую ножку; подчеркнуто длинные вертикали у *беты*, *эпсилона*, *йоты*, *каппы*, *ро*, и намеренно укороченные у *гаммы* и *тау*; иррегулярная *сигма*, то с параллельными горизонталями, то отгибаящая либо верхнюю, либо нижнюю — следует отнести за счет индивидуальной манеры резчика.

Подобный «претенциозный» стиль письма возник на Боспоре, как прекрасно показано в недавней публикации⁵, при Перисаде II, во второй четверти III в. до н. э. Однако трудно согласиться с ее автором в том, что «этот прием, по-видимому, не нашел широкого распространения и в последующий период»⁶, поскольку эпиграфист, как и составители очерка боспорской лапидарной палеографии⁷ прошли мимо одного интересного памятника, представляющего по шрифту ближайшую аналогию публикуемому⁸. Речь идет о посвящении жреца Каллона из Гермонассы, датированном правлением царя Перисада, сына Перисада; в этом царе изда-

⁵ Белова Н. С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н. э. — ВДИ, 1984, № 2, с. 82—85.

⁶ Там же, с. 85, прим. 23.

⁷ Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. — НЭ, 1962, III, с. 16.

⁸ Шкорпил В. — ИАК, 1915, 58, с. 17 сл., № 1 = КБН 1044.

тель верно усматривал Перисада IV Филометора; в честь него же и его семьи пантикапейским фиасом поставлено посвящение ЮСПЕ, II, 19 = КБН 75. Сопоставление палеографии обеих надписей лишний раз убеждает в том, что оба стилистических направления — традиционно-архаизирующее и претенциозно-прогрессирующее — продолжают сосуществовать на Боспоре по крайней мере до середины II в. до н. э.⁹

Сравнение гермонасской надписи КБН 1044 с новонайденной (рис. 1) показывает, однако, что при всем их стилистическом сходстве посвящение Сенамотис представляет собой дальнейшую стадию развития данной манеры письма. В надписи Каллона¹⁰ выделяются такие более ранние элементы, как: отсутствие вариантов одних и тех же букв; меньшая прогнутость косых линий; более крупные *тета*, *омега* и особенно *омикрон* почти укладываются в габариты строки; *сигма* с параллельными горизонталями и др. Еще более близка нашей по шрифту (если это вообще не работа одного мастера или, по крайней мере, одной школы резчиков) надпись КБН 27, которая обращает на себя внимание тем, что и она вырезана на вотивном рельефе, тоже поставленном «по поведению» женщиной, Плусией, за своих дочерей и тоже негреческому, малоазиатскому женскому божеству — Кибеле, названной лишь по эпikleze Ἀγῖστ(ε)ι. Проведенный сопоставительный анализ — лишнее подтверждение того, что новонайденный пантикапейский вотив поставлен за сына Перисада IV Филометора, царя Перисада V — последнего представителя династии Спартокидов. Это пока единственный на Боспоре эпиграфический документ, упоминающий этого правителя, что следует признать немаловажным фактом.

Второй путь уточнения датировки нашей надписи — просопографический. *Terminus ante quem* определяется достаточно просто — датой смерти царя Перисада V, которой следует считать, как будет показано ниже, скорее всего 111 г. до н. э. Сложнее обстоит дело с *terminus post quem*. Исходя из свидетельств Посейдония и Аполлонида, согласно которым у Скилура было, соответственно, 50 или 80 сыновей (Strabo, VII, 4, 3), разумеется, от разных жен, этот скифский царь жил, видимо, достаточно долго. Если принимать за дату его смерти примерно 113 г. (см. ниже), то ничто не мешает предположить, что он родился в 70-е гг. II в. и около середины столетия мог произвести на свет свою дочь Сенамотис. Тогда достижение ею брачного возраста можно отнести к 30-м гг. II в.

Тот же *terminus post quem* для нашей надписи может найти подтверждение и с другой стороны. Если следовать тем нумизматам, которые, относя одну серию золотых боспорских статеров с именем Перисада к последнему Спартокиду, читают в помещенных на них буквах Α, ΙΔ и Κ даты его правления¹¹, то продолжительность его царствования была минимум 20 лет, т. е. он вступил на престол самое позднее в 130 г. Таким образом, хронологические рамки посвящения пантикапейской трапедзы укладываются в промежуток ок. 140—111 гг., дальнейшее их сужение пока не представляется возможным.

⁹ Поэтому нельзя согласиться с определением письма КБН 75 как *Zierschrift* (Болтунова, Книпович. Ук. соч., с. 16).

¹⁰ Попутно замечу, что по требованиям симметрии, неукоснительное соблюдение которой прослеживается в КБН 1044, в сткк. 3—4 следует восстанавливать *τὸν* | [*δε τὸν* *αν*]δρίαντα.

¹¹ См. из последних: Голенко К. В. Новая монета царя Спартока. — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 52 сл. (статья издана посмертно); Карышковский П. О. К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье. — В кн.: Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977, с. 24.

Итак, из публикуемого документа определенно следует, что царевна Сенамотис, супруга Гераклида, посвятила жертвенник богине по имени Διδατοια. К великому сожалению, длительный поиск этого теонима как в общих справочниках (Pape — Benseler, Roscher, Bruchmann, Gruppe, Nilsson, RE, Der Kleine Pauly и др.), так и в многочисленных эпиграфических изданиях пока не увенчался успехом; не исключено, что эта эпikleза вообще уникальна. Общий характер святилища и сделанных в нем находок показывает, что оно было посвящено женскому божеству, выступавшему, по всей видимости, в ипостаси Артемиды-Гекаты¹², однако и у этих двух богинь не находится эпитетов, сколько-нибудь напоминающих наш¹³. Негреческий характер теонима очевиден. Решение вопроса о его этимологии и принадлежности к тому или иному языковому ареалу я оставляю лингвистам. Но по моему впечатлению неспециалиста, во всяком случае, ничего типично иранского в нем не улавливается.

Антропоним Σεναμοτις не находит даже отдаленных аналогий ни в иранском, ни во фракийском, ни в малоазийском языковых ареалах, не говоря уже о греческом. Неожиданным образом очень близкие параллельные формы как мужских, так и женских личных имен начиная с эллинистического времени дают египетские папирусы: Σεναμωνις, Σεναμουниς¹⁴. Детальный лингвистический анализ имени Σεναμοτις — задача египтологов; со своей стороны замечу лишь, что появление египетского имени в скифском царствующем доме не должно казаться таким уж необъяснимым сюрпризом: достаточно вспомнить, какие тесные контакты в различных сферах бытия связывали соседнее и, как я стараюсь показать ниже, союзное Скифскому Боспорское царство начиная с III в. до н. э. с Египтом¹⁵.

Имя супруга царевны Сенамотис Ἡρακλείδης на Боспоре хорошо известно. Весьма часто оно в римское время (см. КБН, Indices), но встречается в качестве имени или патронимика уже начиная с IV в. до н. э. (КБН 190; 266; 912, 2.8; 1137 A, 1.12; 1.48; 2.16). Особенно интересно его употребление в среде боспорской знати: так, в третьей четверти III в. до н. э. некий Ἀγλαός Ἡρακλείδου посвящает статую Дионису (КБН 24). Вне всякого сомнения, к верхушке боспорского общества принадлежал и Гераклид нашей надписи, поскольку в высшей степени невероятно, чтобы царевна Сенамотис вступила в брак с каким-то безродным боспорянином. Более того, нет ничего невероятного и в предположении о том, что Гераклид был членом царствующей фамилии Спартокидов. Из боспорской истории нам известны неоднократные случаи, когда наряду с традиционными в династии Спартоками, Сатирами, Левконами, Перисадами сыновья, особенно младшие, нарекались нетрадиционно. Так, Сатир нарек своих сыновей Метродором и Горгиппом (Polyaen., VIII, 55), младший брат Спар-

¹² См.: Акимова Л. И. Новый памятник скульптуры из Пантикапея. — ВДИ, 1983, № 3 и статью В. П. Толстикова в данном номере ВДИ.

¹³ Отдаленное сходство наблюдается лишь в эпikleзе Артемиды Διταια, почитавшейся в римское время в Македонии в местечке Благаны, а потому именовавшейся и Βλατανιτις (см. SEG, XVII, 277).

¹⁴ См. P. Cairo Zen. 2, 59292. 390; 59172. 8—9, 27; 4, 59745. 80; SB 1463; 5349; 7402. 5; 9870, col. I. II; 9873. I; 10592. 6; 10860, I, col. II.2 et al. Ср. также м. и ж. ЛИ Σενμοῦθης, -θης/Σενμοῦθης, θης см. SB 10337. I; 10422. 5; BGU VI, 1487 etc. Ср. Preisigke E. Namenbuch. Heidelberg, 1922, Sp. 369, 370, 373. Египетские имена с основой Σεν- см. Ibid., Sp. 370—379; Pape — Benseler, S. 1368: Σεναπατης, Σεναραβίων, Σενарпаиос, Σενароηρις, Σενεμοурης и др.

¹⁵ Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее. — ВДИ, 1984, № 1, с. 84—88; Трейстер М. Ю. Боспор и Египет в III в. до н. э. — ВДИ, 1985, № 1, с. 126—139.

тока II и Перисада I звался Аполлонием (IG, II², 212), средний сын Перисада I носил имя Притан, а младший — Евмел (Diod., XX, 22). Поэтому вполне вероятно, что один из младших членов фамилии поздних Спартокидов мог получить имя Гераклид.

Такой случай заключения династического брака одним из членов боспорского царствующего дома был бы небеспреседентен. Из упоминавшейся выше надписи пантикапейского фиаса IOSPE, II, 19 = КБН 75 следует, что царица Камасария, овдовев после смерти своего мужа Перисада III, вышла вторым браком за некоего Аргота. Интересные этимологии В. Миллера/В. И. Абаева и В. А. Лифшица, представленные в другом месте, не оставляют сомнения в принадлежности имени *Αργότας* к ирано-скифскому языковому ареалу, что стало еще более убедительным после прочтения на перстне Скила аналогичного имени, принадлежавшего, по всей видимости, предшественнику этого царя¹⁶.

В связи с этим требует пересмотра и отчество Аргота в надписи пантикапейских фиаситов, которое В. В. Латышев в IOSPE, II, 19 оставил без дополнения, а В. Томашек впервые предложил дополнить в *Ἰ[σάν]θου*¹⁷. Основанием для этого ему послужило приводимое Филархом имя фракийского царя племени кробизов *Ἰσάνθης*¹⁸. Однако это дополнение не может считаться абсолютно надежным и не столько из-за того, что при скифском имени восстанавливается фракийский патронимик (что само по себе возможно), сколько из-за несоответствия этой конъектуры остаткам букв в лакуне стк. 7¹⁹. Итак, если восстановление патронимика Аргота стоит под сомнением, то его происхождение из среды скифской знати, а наиболее вероятно, — просто из правящего дома Скифского царства в Крыму остается бесспорным фактом, ибо трудно поверить, чтобы вдовствующая боспорская царица взяла себе вторично в мужья человека ниже себя рангом. Таким образом, династические связи Скифского и Боспорского царств во II в. следует признать традиционными.

Надпись пантикапейского фиаса КБН 75, перечисляющая членов боспорской правящей фамилии, вместе с новонайденным посвящением побуждают нас вновь обратиться к давно дискутируемому и сложному вопросу о хронологии царей Боспора II в. до н. э. Поскольку, как известно, боспорская хроника Диодора прерывается с моментом смерти Спартока III (Diod., XX, 100, 7) и воцарением Перисада II в 284/3 г. до н. э., в нашем распоряжении остаются исключительно эпиграфические и нумизматические источники. Царица Камасария фигурирует в списке донаторов Дидимейского храма, который вслед за А. Бёком многие издатели датировали 156—155 гг. до н. э.²⁰ Однако впоследствии А. Рем убедительно передатировал список 178/7 г. до н. э.²¹ В следующем 117/6 г. в то же святилище

¹⁶ См. Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. — СА, 1980, № 3, с. 97 и прим. 29—30.

¹⁷ Tomaschek W. Die alten Thraker. — Stzb. Wien, 1893—1894, Bd. 131, 1, S. 49; ср. Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 581, not. 5. Позже Латышев принял эту конъектуру, хотя издатели КБН (с. 85) пальму первенства приписали ему.

¹⁸ Athen., XII, 51, p. 536D = FGn 81 F 20; ср. Tomaschek. Op. cit., S. 9; Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien², 1976, S. 216, 253.

¹⁹ Мною была проведена аутопсия камня в Эрмитаже; фото его см. Болтунова, Книпович. Ук. соч., с. 17, рис. 7.

²⁰ CIG, II, 2855; Haussoullier B. Etudes sur l'histoire de Milet et du Didymeion. P., 1902, p. 202; Michel 836; Граков Б. Н. — ВДИ, 1939, № 3, с. 266 сл., № 38.

²¹ Rehm A. Didyma II. B., 1958, № 463. Ср. Werner R. Die Dynastie der Spartokiden. — Historia, 1955, IV, S. 425 f. (с указанием предшествующих работ Рема); Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit. — Hist. Mitt., Beiheft 4. Tübingen, 1971, S. 95, Anm. 181.

жертвует золотую фиалу царь Перисад²². В честь Перисада и царицы Камасарии в Дельфах был издан декрет, датированный Т. Омоллем по палеографии временем немного раньше 160—150 гг.²³; он сопоставил чествуемых лиц с боспорскими правителями, упомянутыми в дидимских списках, отталкиваясь при этом от старой, ошибочной их датировки.

Какой же Перисад (и один ли и тот же) упомянут в дидимской и дельфийской надписях? Большинство ученых (Омолль, Латышев, Граков, Рем, Диль, Гайдукевич и др.) считали, что речь в них идет об одном и том же Перисаде — по счету третьем, муже Камасарии. Однако передатировка дидимских инвентарей при более поздней дате дельфийского декрета дает, казалось бы, возможность распределить оба свидетельства между Перисадом III — отцом, и Перисадом IV — сыном²⁴. Тем не менее не стоит забывать, что Омолль был столь осторожен в своей датировке, поскольку на него явно влияла традиционно устоявшаяся поздняя дата (50-е гг. II в.) дидимских списков, но и при этом палеографические наблюдения толкали его отнести декрет из Дельф ко времени, более раннему, чем 160 г. Вот почему ничто не мешает поместить дельфийскую псефизму ближе к 70-м гг. II в., а не просто утверждать²⁵, что она датируется временем около 160 г. Иными словами, я не вижу пока оснований для распределения эпиграфических указаний из обоих знаменитых эллинских святилищ между двумя одноименными боспорскими царями.

Другим путем пошел Р. Вернер. Последовательно настаивая на заниженной хронологии последних Спартокидов с целью: а) идентифицировать отца Камасарии со Спартоком IV, а не V, б) уместить в десятилетие ок. 160—150 гг. сразу трех правителей — Спартока V, Левкона II и Гигиенонта, он связывает как дельфийскую, так и дидимскую надписи не с Перисадом III, а с его сыном Перисадом IV Филометором, постулируя таким способом смерть Камасарии ок. 175 г., а ее сына — вскоре после 160 г.²⁶ Главный и практически единственный его аргумент состоит в том, что порядок перечисления правителей в IOSPE, II, 19 (=КБН 75) и в дельфийском декрете одинаков, причем Камасария подчеркивает законность своего царского сана указанием на происхождение от царя Спартока²⁷. Ошибочность подобного умозаключения доказывается обращением к обоим надписям. Если и там и там, действительно, указано отчество Камасарии (в дельфийском документе даже отмечено, что Спарток был царем), то с Перисадом дело обстоит совсем иначе: в КБН 75 не только подчеркнуто, что он происходит от царя Перисада, но и указано его прозвище «Филометор», в дельфийской же псефизме Перисад вообще остался без отчества. Как видим, налицо не параллелизм, а, напротив, разительный контраст обоих текстов, с которым падает и гипотеза Вернера. Из документов следует, что Камасария была соправительницей при муже и при сыне, а потому их имена и занимали первое место.

Однако титулатура царей в дельфийском декрете позволяет сделать интересные наблюдения и иного порядка. Э. Диль относил патронимик

²² Haussoulrier. Op. cit., p. 206, № 5. 6—8; p. 212; Граков Ук. соч., с. 267, № 39; Rehm. Op. cit., № 464.

²³ Homolle Th.— BCH, 1899, 23, p. 96. Переиздан: Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 298—302; Syll.³, 439; FdD, III, 1, 3 (1929), № 453; Граков. Ук. соч., с. 250, № 15. Ср. Bousquet J.— BCH, 1966, 90, p. 442; SEG, XVII, 234; XXIII, 314.

²⁴ Так осторожно предполагает Миннз (op. cit., p. 582).

²⁵ См., например, Gajdukevič V. F. Das Bosphoranische Reich. В., 1971, S. 95; Карышковский. Ук. соч., с. 24.

²⁶ Werner. Op. cit., S. 423—426, 428, 430.

²⁷ Ibid., S. 428. О дидимской надписи с именем Перисада он даже не упоминает.

Βασιλέως Σπα[ρτόκου] в Syll³, 439.5—6 к обоим правителям, высказав на этом основании предположение о том, что Перисад и Камасария состояли в кровнородственном браке²⁸. Эта гипотеза малоубедительна не только потому, что подобная практика — в целом довольно распространенная в эллинистическом мире — в боспорском царском доме пока беспрецедентна²⁹, но и по тем соображениям, что в таком случае во избежание чреватой последствиями путаницы (речь шла о таких ответственных вещах, как царская титулатура и августейшие родственные отношения!) составитель декрета должен был бы употребить нечто вроде οἱ, οἱ ἐκ, παῖδες βασιλέως Σπαρτόκου.

Еще Латышев высказал интересное предположение о том, «что Перисад был, например, *братом* или *племянником* Спартока и, сделавшись царем, быть может, за неимением потомства мужского пола у Спартока, женился на его дочери для укрепления своих прав на престол». При этом он оставил открытым «вопрос, почему в дельфийском декрете при имени Камасарии поставлено имя ее царственного отца, а имя царя Перисада оставлено без отчества»³⁰. Я думаю, попытка ответить на этот вопрос позволит не только уточнить интересную догадку Латышева, но и прийти к немаловажным выводам о подробностях наследования Камасарией власти.

Во-первых, Перисад III едва ли мог приходиться братом Спартоку V и не столько в силу того, что тогда бы в надписи было указано его происхождение от их общего царственного отца (если, конечно, сам Спарток был царским сыном³¹), сколько по той причине, что в таком случае он бы *сам*, а не Камасария наследовал брату на царстве. Вопреки расхожему мнению³², традиционная боспорская практика наследования отцу двумя старшими братьями³³ продолжала соблюдаться и после Евмела³⁴. Отсутствие отчества у Перисада в дельфийской надписи может означать, как мне кажется, лишь одно: отец Перисада III *не был царем*, но — как предположил Латышев — лишь братом царя Спартока V, скончавшимся, видимо, раньше него³⁵. Очевидно, за неимением сыновей у Спартока власть впервые и единожды за всю историю спартокидовского Боспора

²⁸ Diehl E. — RE, XVIII, 1943, Sp. 2427.

²⁹ Ср. Werner. Op. cit., S. 425.

³⁰ Латышев. Ук. соч., с. 302. Вернер (op. cit., S. 425) ошибочно приписывает ему предположение о том, что Перисад и Камасария могли быть братом и сестрой.

³¹ Имя отца Спартока нам точно не известно. Из надписей КБН 26 и 822, относимых издателями сборника ко времени правления Спартока V, должно было бы следовать, что его отцом был Перисад. Однако Белова (ук. соч., с. 84 сл.) убедительно передатировала оба памятника временем Перисада II. Поэтому остается лишь одна возможность: отнести к его правлению ныне утерянную надпись КБН 24, которую издатели приписывают Спартоку IV, сыну Перисада II (ср. ниже, прим. 46).

³² См., например: Gajdukevič. Op. cit., S. 92 f., Anm. 80.

³³ См. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1984 г. М., 1985, с. 154—157.

³⁴ Об этом свидетельствует анапский декрет в новой интерпретации (Виноградов Ю. Г. Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н.э. — В кн.: Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Тезисы докладов конференции. М., 1978, с. 22—25) и многократное упоминание в неизданных пока граффити из нимфейского святилища неизвестного боспорского царя Сатира III вместе с Перисадом II.

³⁵ Ср. Minns. Op. cit., p. 582; его гипотеза о том, что отцом Перисада III был некий Притан (p. 580, not. 7; p. 582 f.), не убедительна, так как базируется лишь на встречаемости этих двух имен вместе на черепичных клеймах, да и то более ранних, где Притан выступает скорее как чиновник или совладелец, а по предположению Гракова и Гайдукевича даже как сын Перисада I (Граков Б. Н. — ИГЭИМК, 1934, 104, с. 206; Гайдукевич В. Ф. — Там же, с. 270).

наследовала его дочь Камасария, т. е. порядок наследования надо полагать иным, чем у Латышева: не Перисад, а Камасария, ставши единоличной наследницей престола, сразу или спустя некоторое время взяла себе в мужья двоюродного брата, что имело уже прецеденты в боспорской династийной истории³⁶. Этим объясняется, почему она, единственная из Спартокидов, соправительствовала мужу и сыну: мы видим, как настойчиво, занимая в документах лишь второе место, подчеркивает она свое происхождение от царя Спартока, позволяя себе от своего только имени совершать пожертвования в Дидимы. Не этим ли ее правом единоличной наследницы царских прерогатив, а не только ее соправительством или даже регентством³⁷, объясняется и наделение ее сына прозвищем «Матерелюбивый»?

Теперь возникает вопрос о хронологии отдельных правителей. Здесь мы с сожалением должны констатировать, что в нашем распоряжении имеется пока один только точный хронологический репер: в 178—176 гг. Камасария и Перисад III делают посвящения в Дидимы. По-видимому, ко времени не позже, чем около 170 г., должен быть отнесен дельфийский декрет в их честь³⁸. Если это так, то ничто не мешает поместить правление Перисада IV (сначала с матерью, потом единоличное?³⁹) во вторую четверть II в. Но в таком случае и надпись пантикапейского фиаса КБН 75, вопреки общепринятой датировке Латышева⁴⁰, следует отнести ко времени скорее не после, а до 150 г., так как она, по всей видимости, была поставлена по совершенно конкретному поводу династийно-государственной декларации в связи с повторным браком Камасарии⁴¹. Я не вижу также пока препятствий для того, чтобы принять традиционную точку зрения о том, что Спарток V правил в начале II в.

Из новонайденной надписи Сенамотис следует, что Перисад V был внуком и сыном одноименных царей, т. е. соответственно Перисада III и IV. Однако это не снимает вопроса: непосредственно ли он наследовал своему отцу на царстве. Действительно, в науке уже неоднократно высказывалось мнение о том, что около середины II в. на Боспоре кратковременно правили одно или даже несколько лиц. Дальше всех пошел Вернер, движимый, как уже говорилось, стремлением понизить хронологию поздних Спартокидов. Не зная последних разработок советских нумизматов и опираясь лишь на публикации прошлого века⁴², он считает, что примерно к середине II в. относятся не только дидрахмы Спартока, но и медь Левко-

³⁶ Вернер (op. cit., S. 425) справедливо указывает в этой связи на Перисада I и его супругу Комосарию.

³⁷ Minns. Op. cit., p. 582; Diehl. Op. cit., Sp. 2428; Werner. Op. cit., S. 428, Anm. 3.

³⁸ Ж. Буске (op. cit., p. 442), адаптирующий, правда, гипотезу Вернера, критикуя датировку Бурге (ок. 150 г.), склонен все же отнести надпись, «вероятно, к первой четверти II в.».

³⁹ Об этом можно было бы судить по датировочной формуле КБН 1044, где Перисад IV выступает один, однако на Боспоре пока не было прецедентов датировки надписей по двум соправителям.

⁴⁰ Латышев. Ук. соч., с. 300; ср. КБН, с. 85.

⁴¹ Высказавший это интересное соображение Диль (op. cit., Sp. 2428) обратил внимание на особый тон надписи, видимо, прежде всего на употребление в ней архаизирующего титула *ἀρχὸς καὶ βασιλεύς*. Это лишний раз подчеркивает справедливость высказанной Беловой (ук. соч., с. 81) критики *communis opinio* о неразборчивости в употреблении боспорскими правителями обоих потестарных терминов начиная с III в. до н. э. и проясняет моменты принятия ими двойного титула: вероятно, такие акты, как повторный брак царицы или вступление нового царя на престол, должны были быть легализованы общиной Пантикапея. Эта проблема заслуживает отдельной разработки.

⁴² На это справедливо указал Гайдукевич (op. cit., S. 95, Anm. 90).

на, а также золото и серебро Гигиенонта. Это дает ему основание отнести к указанному периоду известный из схолий к «Ибису» Овидия конфликт в боспорском царском доме, когда «понтитский» царь Левкон погубил своего брата Спартока то ли из-за ревности к своей жене, то ли возжелав его супругу, а потом и сам был убит ею⁴³. Убийственному Спартоку Вернер приписывает надпись IOSPE, II, 18 (= КБН 24) и полагает, что вся история лучше укладывается в «смутную пору» II в., чем в середину III в. После Левкона он помещает архонта Гигиенонта, видя в нем зависимого от скифов наместника⁴⁴.

Несостоятельность этой конструкции видна *prima facie*. Во-первых, монеты Левкона II давно уже убедительно передатированы временем вскоре после середины III в.⁴⁵ Во-вторых, стоя перед выбором: отнести ли нам конфликт царственных братьев к середине II в., где нумизматическими данными, хотя все же гипотетически, может быть документирован лишь один из них (см. ниже), либо перенести показание Овидиевых схолий в начало второй половины III в., где и Спарток и Левкон надежно засвидетельствованы как эпиграфически⁴⁶, так и нумизматически (Левкон), мы безусловно вслед за большинством⁴⁷ отдадим предпочтение второму варианту. Кроме того, постулировать какую-то *die Zeit der Wirren* для середины II в. у нас пока нет решительно никаких оснований. Что же касается времени правления архонта Гигиенонта, то вопрос этот может быть решен лишь после нового тщательного анализа как его монет, так и археологического контекста находок черепичны клейм с его именем.

Однако недавно была предпринята и более серьезная попытка нарушить непрерывное следование трех последних Перисадов одного за другим, поместив за Филометром Спартока, чеканившего серебряные дидрахмы. К. В. Голенко в посмертно опубликованной статье тщательно классифицирует боспорские золотые статеры II в. с именем Перисада, выделяя среди них те, которые должен был, по его мнению, чеканить последний Спартокид⁴⁸. Не имея здесь ни возможности, ни права входить во все тонкости анализа замечательного нумизмата, приведу лишь самый веский его аргумент: на серебре Спартока помещена та же монограмма, что и на самых ранних статерах Перисада V (без года и первого года правления). Если соображения Голенко признать весомыми, то мы получили бы нового бос-

⁴³ Ovid., Ibis, 309 c. schol. = SC, II, 104, 106. Все схолии разноречивы и сходятся лишь в факте убийства одного брата другим. См. также: Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1983 г. М., 1984, с. 165 сл.; он же. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985, с. 90, 138, 242 сл.

⁴⁴ Werner. Op. cit., S. 422 f., 426 f., 430.

⁴⁵ Зограф А. Н. Античные монеты. М. — Л., 1951, с. 182; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. М., 1956, с. 151.

⁴⁶ Надпись IOSPE, II, 15 = КБН 25, упоминающая Левкона, сына Перисада, в качестве жреца верховного бога Аполлона Врача, как недавно еще раз основательно показала Белова (ук. соч., с. 85, прим. 22), безусловно, датирована правлением Перисада II. Что касается посвящения IOSPE, II, 18 = КБН 24, ныне утерянного, то даже сравнение его шрифта (по копии Дюбуа де Монперс) с таким характерным памятником, как много раз упомянутая надпись КБН 75, показывает, что первое, датированное правлением Спартока, сына Перисада, никак не может быть отнесено к середине II в.

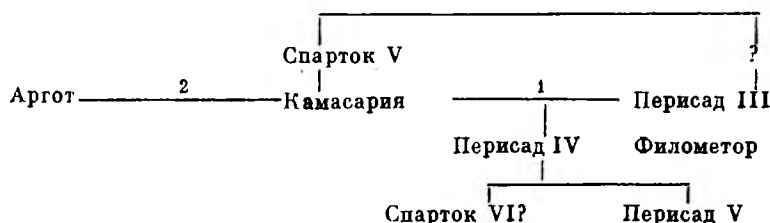
⁴⁷ См. Подосинов. Овидий..., с. 166.

⁴⁸ Голенко. Новая монета царя Спартока, с. 50—55. П. О. Карышковский (ук. соч., с. 23—26) распределяет эти статеры между не тремя, а двумя Перисадами, считая Филометра последним Спартокидом, погибшим от руки Савмака, что опровергается теперь нашей надписью.

порского царя Спартока VI, которому наследовал Перисад V. Зная теперь, что последний был сыном Перисада IV Филометора и принимая во внимание продолжавшийся практиковаться на Боспоре и в эту эпоху порядок наследования (см. выше), наиболее логично было бы считать последних двух правителей династии Спартокидов братьями, отведя, видимо, недолгую правлению Спартока VI начало второй половины II в.

Остается только вычертить стемму боспорских правителей II в. и составить хронологическую таблицу их правлений, оговорив при этом *expressis verbis*, что они в такой же степени гипотетичны, приблизительны и условны, как и все подобное, предложенное за многие десятилетия изучения истории Боспорского царства.

- ок. 200—180 Спарток V
- ок. 180—160 Камасария (единолично, потом с Перисадом III и IV)
- ок. 180—170 Перисад III (с Камасарией)
- ок. 170—150 Перисад IV Филаметор (сначала с Камасарией, потом единолично?)
- ок. 150—140 Спарток VI?
- ок. 140—111 Перисад V

Самый значительный в историческом плане факт, сообщаемый новой надписью, а именно брак дочери Скилура с Гераклидом — представителем боспорской знати или, вероятнее всего, членом царствующей фамилии, равно как и посвящение царевной жертвенного стола, поставленного в святилище цитадели Спартокидов — на акрополе Пантикапея, заставляет пересмотреть проблему взаимоотношений обоих царств — Скифского и Боспорского — во второй половине II в. до н. э. По этому вопросу в историографии царит почти полное единодушие: безоговорочно проецируя агрессивность скифов по отношению к Херсонесу и на Боспор, исследователи постулируют подобную же конфронтацию между царствами Скилура и поздних Спартокидов⁴⁹. Эта *opinio communis* неизменно опирается на одни и те же источники: свидетельства Страбона и Лукиана об уплате боспорскими царями дани скифам и изложение в декрете в честь Диофанта событий, связанных с деятельностью Митридатова полководца на Боспоре и вспыхнувшим там восстанием Савмака, подаваемые в той или иной интерпретации. Единственной, кто предпринял попытку усомниться в зависимости Боспора от скифов и, следовательно, в реальной угрозе ему со

⁴⁹ См. например: *Reinach Th. Mithridates Eupator, König von Pontos*. Lpz, 1895, S. 55 f.; *Minns. Op. cit.*, p. 518 f.; *Жебелев С. А.* — СПб, с. 91; *Rostovtzeff M. SEHW*, II, p. 769; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 301; *idem. Op. cit.*, S. 303, App. 1; *Соломоник Э. И.* О Скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. — В кн.: *Археология и история Боспора*, I. Симферополь, 1952, с. 126; *Werner. Op. cit.*, S. 427 ff.; *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979, с. 78. Ср. более сдержанно: *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, 36, с. 29; *Молев Е. А.* Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре. — В кн.: *Античный мир и археология*, 2. Саратов, 1974, с. 62 сл.

стороны последних, была Т. В. Блаватская⁵⁰. Данные новой надписи при наличии двух точек зрения — лишний повод для повторного пересмотра имеющихся источников и аргументов обеих сторон.

В широко известном пассаже Страбон (VII, 4, 4) называет следующую причину передачи последним Спартокидом власти Митридату: «Не будучи в состоянии противостоять варварам (*ἀντέχειν πρὸς τοὺς βαρβάρους*), требующим дани (*φóρον*) большей, чем прежде, он [Перисад] передал власть Митридату Евпатору». Как видим, варвары здесь анонимны, и узнавать в них скифов Скилура и Палака позволяют сторонникам *opinio communis* либо данные прочих источников, либо сопоставление с другим свидетельством Страбона (VII, 4, 6) о номадах Крыма, которые «ведут войну из-за дани; поскольку они, предоставив желающим владеть их землей для [обработки (*γεωργεῖν*)], довольствуются вместо того взиманием подати, установленной в известном умеренном размере (*φόρος... τοὺς συντεταγμένους μετρίως τινάς*) не для обогащения, но для удовлетворения повседневных жизненных потребностей; с теми же, кто им не платит, они воюют» (пер. автора). Далее говорится, что не платит дани регулярно тот, кто чувствует свою силу, и как пример (со ссылкой на Гипсикрата) приводится Асандр, воздвигший на перешейке вал. Однако подобное сопоставление двух пассажей⁵¹ может делать лишь *вероятным*, но отнюдь не *обязательным* отождествление анонимных варваров в VII, 4, 4 с крымскими *Νομάδες*: в рамках своей морализирующей концепции Страбон как раз подчеркивает жизненную необходимость и умеренность *φόρος* кочевников, а не непомерное его увеличение, вынуждающее плательщиков постоянно ему противодействовать, сопротивляться⁵².

О регулярной уплате Боспором дани скифам прямо говорит Лукиан в своей новелле «Токсарид» (§ 44, 55), однако привлекать его рассказ как историческое свидетельство весьма и весьма рискованно⁵³. Степень исторической ценности сведений новеллы Лукиана замечательно вскрыта еще М. И. Ростовцевым, подчеркивавшим ее «квази-историческую оболочку с указанием имен царей и племен»: «Здесь все приблизительно правильно, но именно лишь приблизительно; это не история, а историческая повелла»⁵⁴. «Лукиан при сочинении своего „Токсарида“ имел на руках определенный исторический и этнографический материал, взятый из источников эллинистического времени, который он, однако, полностью переработал в духе новеллы, не стремясь к исторической точности, думая только о том, чтобы создать впечатление, будто его рассказ соответствует тому, что знала или должна была знать широкая публика о скифах и их

⁵⁰ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 142—154. После выхода ее работы свою точку зрения изменил В. Д. Блаватский (Пантинкапей. М., 1964, с. 127).

⁵¹ См., например: *Gajdukevič. Op. cit.*, S. 303, Anm. 1. Для этнической атрибуции варваров в VII, 4, 4 неправомерно было бы, ссылаясь на другое место Страбона (VII, 4, 3), где говорится о Херсонесе, как о разоряемом варварами (*πορθομένην δὲ ὑπὸ τῶν βαρβάρων*), прямо узнавать в последних только скифов: из контекста Диофантова декрета следует, что своими набегами полис тревожили и тавры (см. ниже).

⁵² В употребленном Страбоном (VII, 4, 4) глаголе *ἀντέχειν* чувствуется оттенок явного антагонизма сторон; недаром это слово употребляется им же по отношению, например, к воинам, осаждаемым в Ктёнунте (VII, 4, 7). Ср. *Herod.*, II, 157; V, 115 и др.

⁵³ Это справедливо подчеркнуто Блаватской (ук. соч., с. 142—146).

⁵⁴ *Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. B.*, 1931, S. 97.

соседях»⁵⁵. Это заключение подкреплено Ростовцевым сопоставлением «Токсарида» с отрывком одного романа на папирусе⁵⁶.

Подобная оценка новеллы Лукиана едва ли позволяет считать весомым возражение В. Ф. Гайдукевича⁵⁷, указавшего на якобы «удивительную согласованность» сведений Лукиана и Страбона (VII, 4, 4 и 6) о взимании скифами дани с Боспора: у одного в новеллистической сцене играют «конкретно-выдуманные» скифы, у другого в первом случае речь идет об анонимных варварах⁵⁸, во втором — Боспор прямо назван только в связи с Асандром, жившим почти на сотню лет позже последнего Перисада. Совершенно не исключено, что факт взимания дани историчен и Лукиан заимствовал его из какого-то источника, может быть, у того же Страбона или одного из его информаторов, но кто может поручиться, что речь в нем шла именно о все возраставшей дани, взимавшейся Скифским царством на исходе II в. до н. э.: если принять во внимание имена Лукиановых царей Левканора и Евбиота, то по многократно уже проведенному сопоставлению с Левконом и Евмелом они уведут нас в глубь боспорской истории IV в. до н. э.; если же счесть решающим выведение им на сцену алан, то мы перенесемся в римскую эпоху.

Повторное рассмотрение перечисленных мест из древних авторов и привело Т. В. Блаватскую к выводу о том, что Боспор во второй половине II в. до н. э. испытывал решительное давление со стороны не скифов, а сарматов, в частности сираков и аорсов⁵⁹. Эта интересная гипотеза встретила возражение Е. А. Молева⁶⁰, замечая, что коль скоро у Страбона в VII, 4 речь идет о городах и варварах Крыма, то Боспор платил дань скифам, а не сарматам, которых в это время в Крыму якобы не было⁶¹. Ни тот, ни другой довод не убеждают. Увеличивающаяся дань варварам упомянута именно здесь в связи с последним Перисадом и столицей его царства Пантикапеем, расположенным на европейской стороне Боспора; в той же главе (VII, 4, 6) сообщается и об огромной дани боспорян Митридату, отправлявшейся, разумеется, на южный берег Черного моря — в Понт⁶². Что касается второго соображения, то дело вовсе не в наличии или отсутствии оседлого сарматского населения на хоре⁶³ или в городах европейского Боспора⁶⁴: вполне понятно, что дань могла взиматься толь-

⁵⁵ Ibid., S. 98.

⁵⁶ Ibid., S. 98 f. Т. В. Блаватская утверждает (ук. соч., с. 143 слл.), что «этот источник еще не привлекался историками Северного Причерноморья», ссылаясь в прим. 35 по другому поводу как раз на соответствующие страницы немецкого издания «Скифии и Боспора».

⁵⁷ Gajdukevič. Op. cit., S. 303, Anm. 1. Удивительным образом автор дважды (ср. S. 84 f., Anm. 63) приписал Ростовцеву честь показать значение диалога Лукиана как «Geschichtsquelle» (!) для Северного Причерноморья.

⁵⁸ Непонятно, на каком основании Эд. Майер усматривал в них тавров (Meyer Ed. Geschichte des Königreichs Pontos. Lpz; 1879, S. 89 f.).

⁵⁹ Блаватская. Ук. соч., с. 142, 150, 152, 154.

⁶⁰ Молев Е. А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976, с. 42 и прим. 43.

⁶¹ Со ссылкой лишь на тезисы доклада В. Н. Корпусовой. Ср. Rubinsohn Z. W. Saumakos. — Historia, 1980, 29, p. 65 f., not. 59.

⁶² Сам Молев (Митридат Евпатор, с. 42 и прим. 43) охотно допускает, что Боспор откупался данью от набегов сарматов на его азиатские владения.

⁶³ Вопреки мнению многих исследователей (в их числе и Молев) о преимущественно скифском населении на территории Европейского Боспора В. Н. Корпусова, отвергая разнообразие характеристики захоронений как этнодифференцирующие признаки, приходит к парадоксальному выводу о том, что ее население составляли исключительно боспорские греки! (Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 96).

⁶⁴ А. А. Масленников (Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981, с. 83) подчеркивает усиление здесь сарматского влияния как раз к концу II в. до н. э.

ко политическими объединениями кочевых сарматов, уполномоченные которых лишь на время прибывали в боспорскую метрополию, не оставляя там, как правило, археологических следов⁶⁵. О военном присутствии сарматского племени роксолан в Крыму прямо свидетельствуют Страбон и Диофантов декрет (см. ниже)⁶⁶.

Итак, коль скоро прямых свидетельств не остается, разберем косвенные. В качестве таковых используется обычно толкование событий времени кампаний Диофанта в Крыму⁶⁷. Поскольку они имеют самое непосредственное отношение к нашей теме, имеет смысл напомнить кратко их изложение в Диофантовом декрете и у Страбона.

По свидетельству Страбона (VII, 4, 3), Херсонес, разоряемый варварами, был вынужден выбрать своим покровителем (*προστάτης*) Митридата, который послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами под предводительством их царей — Скилура и его сына Палака, стоявшего во главе остальных сыновей. Однако декрет в честь Диофанта (IOSPE, I², 352) о Скилуре молчит, называя одного Палака, поэтому еще первыми издателями надписи были предложены три варианта объяснения факту такого умолчания: 1) Скилур умер к началу действий Диофанта, 2) он передал свою власть старшему сыну Палаку, 3) он поделил ее с ним как соправитель. Развивая последнюю точку зрения и базирывая на своей интерпретации вышеуказанного пассажа Страбона, Э. И. Соломоник предположила, что войска Диофанта сражались и со Скилуrom и с Палаком, но первый руководил обороной царских крепостей, а второй — главный враг Херсонеса — вел активные наступательные действия, а потому и назван неоднократно в декрете⁶⁸.

Автор этих строк высказал тогда же свое несогласие с предложенной интерпретацией; вновь проанализировав отрывок Страбона (VII, 4, 3)⁶⁹ и сопоставив его с другими источниками, он предложил собственную реконструкцию событий⁷⁰, от которой и теперь не видит оснований отказаться. В этой связи обращает на себя внимание несколько обстоятельств. Во-первых, кроме Диофанта Страбон (VII, 3, 17; 4, 7) дважды упоминает сражавшихся в войне против скифов нескольких стратегов Митридата, из которых в других местах по имени назван только Неоптолем (II, 1, 16; VII, 3, 18), разбивший в Керченском проливе неких варваров в двойном сражении: зимой — в конном, летом — в морском. Соломоник ссылается на то, что он вел бои уже после походов Диофанта, однако это никем не доказано, так же как и то, что под названными варварами следует разуметь скифов. Во-вторых, тот же Страбон (VII, 4, 7) подробно рассказывает об осаде скифами Митридатовых воинов (*οἱ βασιλικοί*) в Ктенун-

⁶⁵ И это не совсем так. М. Ю. Трейстер любезно сообщил мне, что в некрополе Пантикапея рассматриваемого времени встречаются предметы конской упряжи сарматского облика, свидетельствующие о том, что некоторые кочевники, выполнявшие наряду с прочим и подобные миссии, окончили свои дни в столице Спартокидов.

⁶⁶ Имя сарматов рядом со скифами в декрете в честь херсонеситов, взявших Калос Лимен, изданном в один год с Диофантовым (IOSPE, I², 353), был склонен восстанавливать М. И. Ростовцев (К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. — В кн.: Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, с. 6). Опускаю здесь сугубо умозрительные контраргументы Молева типа того, что меняла уплата дани сарматам при переходе власти к скифу и т. п. (Митридат Евпатор, с. 42 и прим. 43).

⁶⁷ Блаватская. Ук. соч., с. 146—154 (с указ. лит.).

⁶⁸ Соломоник Э. И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях. — ВДИ, 1977, № 3, с. 53—63.

⁶⁹ Это лишь убедило в том, что все русские переводчики правильно понимали копулятивное значение *ἄμα*.

⁷⁰ Ее изложение см.: Соломоник. Ук. соч., с. 56, прим. 14.

те — события, явно не находящем себе места после окончательного разгрома Палака во второй кампании Диофанта, но и не упомянутом в декрете в его честь ⁷¹, из чего скорее всего следует, что оно имело место до прибытия этого полководца в Херсонес. Наконец, из первых строк декрета явно вытекает, что Диофант прибыл в Крым без войска: «Будучи призван им [Митридатом], *приняв на себя* ведение войны против скифов (τὸν ποτὶ Σκύθας πόλεμον ἀναδεξάμενος) и прибыв в наш город (παρεγνόμενος εἰς τὴν πόλιν ἡμῶν), он со всем войском [тогда только! — Ю. В.] отважно переправился на ту сторону» (IOSPE, I², 352.5—7). Совсем иными словами сообщается о начале второй экспедиции Диофанта (сткк. 17—18): «... когда царь Митридат Евпатор снова послал Диофанта с войском» (Διόφαντον πάλιν ἐκπέμψαντος μετὰ στρατοπέδου) ⁷².

Таким образом, изложенные выше аргументы позволяют утверждать, что войны в Крыму начал не Диофант, а другой стратег (или стратеги) Митридата, причем не очень инициативный ⁷³, что позволило Скилуру и Палаку добиться ряда военных успехов (среди прочего осадить укрепление у Ктенунта³). Некоторое время спустя понтийский царь, видя, что положение дел складывается не в его пользу, дает себя убедить ⁷⁴, смещает бывшего начальство и назначает командующим войсками выдающегося полководца и дипломата Диофанта, который прибывает в Херсонес ок. 113 г. ⁷⁵ Скилур к тому времени уже скончался, и власть в царстве вместе с командованием войском перешла к Палаку. Первые акции Диофанта четко изложены в изданном в его честь декрете (сткк. 4—9): со всем войском он отважно переправился на другую сторону (Севастопольской бухты) и, когда на него внезапно напал Палак с большими силами, он сумел их победить и обратить в бегство. Затем, дабы обеспечить себе непосредственный тыл для дальнейших операций, он подчинил окрестных тавров, основав в их земле город ⁷⁶.

Далее составитель декрета становится крайне лаконичным, поскольку следующее предприятие Диофанта не имело прямого отношения к Херсонесу (сткк. 9—10): «Он отбыл в боспорские местности и, совершив там в короткое время много великих деяний (πολλὰς καὶ μεγάλας ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ πράξεις), снова возвратился в наши места». Как мне кажется, в этой скупой и бесцветной информации, которой комментаторами надписи зачастую не придавалось большого значения, и заложен ключ к пониманию подлинного характера и сути скифо-боспорских отношений этого времени. Это сообщение принято толковать на разный манер. Рейнак считал,

⁷¹ Соломоник (там же, с. 58) склонна, видимо, объяснить это умолчанием автора декрета.

⁷² Соломоник (там же, с. 56, прим. 14) привлекает именно это место для доказательства того, что и в первый раз Диофант прибыл с войском. Однако местоположение πάλιν ставит четкое логическое ударение на «снова послал», а не на «снова с войском».

⁷³ Не на это ли намекает Юстин (XXXVIII, 7, 4) сообщая о том, что Митридат с превеликой робостью начинал Понтийские войны, так как был еще неопытным юнцом (multo timidius bella Pontica ingressum cum ipse rudis ac tiro esset)?

⁷⁴ См. в начале декрета (сткк. 3—4) о Диофанте: «Подвигает царя на прекраснейшие и славнейшие деяния: ἐπὶ τῇ κάλλιστα καὶ ἐνδοξότατα τὸν [βασι]λέα προτρέποντες». Ср. Reinach. Op. cit., S. 58.

⁷⁵ В историографии нового времени под влиянием авторитета Т. Рейнака принято считать началом первой кампании Диофанта 110 г., хотя есть веские основания (они будут изложены в другом месте), следуя Эд. Майеру и Б. Низе, относить его года на три раньше (предварительно см. Виноградов Ю. Г. — В кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 643—645).

⁷⁶ Здесь и далее опускаю интерпретации отдельных мест надписи, не имеющих непосредственного отношения к нашей теме.

что Диофант предпринял краткий, но мощный поход, в результате которого он укротил скифских подданных Перисада и обеспечил Митридату передачу по наследству царства⁷⁷. Латышев полагал, что уже здесь речь идет о подчинении Боспора Митридату, ошибочно считая — вопреки контексту, — что к моменту второго визита Диофанта в боспорские земли Перисад уже был убит⁷⁸. К. Брандис, не объясняя подробно причины первой поездки Диофанта, предположил, что Перисад попросил тогда помощи у Митридата⁷⁹.

Все эти гипотезы отклонил Жебелев⁸⁰, справедливо указавший на то, что, судя по контексту, Диофант прибыл на Боспор без войска, следовательно его миссия была сугубо дипломатического свойства, причем поскольку единственно в данном месте Митридат не назван, полководец действовал на свой страх и риск, надеясь получить потом одобрение царя. Конкретно же он предположил, что целью уже первого визита Диофанта были переговоры о передаче Перисадом власти Митридату⁸¹. Такое толкование можно было бы считать вполне достаточным и удовлетворительным, если абстрагироваться от той конкретной военно-политической ситуации, которая сложилась к данному моменту в Тавриде. Сразу же возникает вопрос: чем была продиктована такая спешность поездки Диофанта на Боспор? Почему, едва одолев в первом сражении Палака и укрепив непосредственный тыл подчинением тавров, он не закрепил свой успех, не двинулся добивать врага, укрывшегося в своих крепостях, но великодушно предоставив Палаку столь необходимую ему и столь невыгодную себе передышку, помчался, пусть *на короткое время*, договариваться (да еще на свой страх и риск!) с Перисадом о передаче власти своему царю, хотя это можно было бы сделать с еще более верным успехом, когда скифский противник будет полностью сломлен? Никто до сих пор не сомневался в выдающихся способностях Диофанта как стратега, а посему подобный демарш был бы ему вдвойне непростителен, если бы его не вынуждали к тому чрезвычайные обстоятельства и особые соображения.

Этот вопрос во всей его полноте поставила Блаватская, максимально приблизившая правильное, на мой взгляд, его решение. Приведя все названные выше недоумения, она предположила, что «Диофанту удалось обеспечить себе дружественный нейтралитет боспорян... Вся эта специальная дипломатическая подготовка была бы совершенно излишней, если бы Боспор находился в какой-то зависимости от скифов. Очевидно, в борьбе Херсонеса и скифов Боспор оставался третьей силой, позиция которой не была сразу ясна Диофанту»⁸². Конкретизируя свою мысль, она выдвинула гипотезу: «Не боялись ли херсонеситы того, что если Диофант уведет в глубь Скифии „граждан цветущего возраста“ т. е. херсонесское ополчение, Боспор предпримет попытку захватить город с моря» (там же, прим. 44).

⁷⁷ *Reinach*. Op. cit., S. 59. Ср. *Minns*. Op. cit., p. 582; *Werner*. Op. cit., S. 429 («Диофант... затем восстановил спокойствие в Боспорском царстве»). С. Я. Лурье (*Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa*. — *Meander*, 1959, № 2, p. 76) предполагал, что Диофант вел на границах Боспора какие-то военные действия против скифов.

⁷⁸ *IOSPE*, I², p. 305, comm. ad № 352.

⁷⁹ *Brandis*, s. v. *Bosporos*. — *RE*, III, 1899, Sp. 773.

⁸⁰ *Жебелев*. — *СП*, с. 95—98.

⁸¹ Гипотеза Жебелева была принята Гайдукевичем (Еще о восстании Савмака. — *ВДИ*, 1962, № 1, с. 18), который предполагает, что наряду с этой главной целью осуществлялись какие-то меры по укреплению крымской границы Боспора. Ср. *Rubinson*. Op. cit., p. 66.

⁸² *Блаватская* Ук. соч., с. 149.

Еще дальше по пути конкретизации исторической реконструкции двинулся Молев, воспринявший основную идею Блаватской о боспорском нейтралитете (в какой-то мере даже сделавший ее соавтором собственных выводов)⁸³. Развивая концепцию Гайдукевича об участии в восстании Савмака самых широких слоев эксплуатируемого скифского населения Боспора⁸⁴, Молев полагает, что главной задачей первой миссии Диофанта «было любой ценой удерживать боспорских скифов от выступления на стороне Палака и обеспечить дружественный нейтралитет Боспора на период наступления в глубь Скифии». Он предполагает, что обращение Палака «к скифской партии при боспорском дворе, по-видимому, имело определенный успех, которому не мог бы помешать Перисад V». Целью поездки Диофанта было «отчасти обещаниями, отчасти угрозами поддержать пошатнувшееся положение последнего Спартокида». То есть, по мысли автора, выходит, что Диофант ездил вести переговоры в первую очередь не с Перисадом, которого не нужно было упрашивать, а с подвластными ему (придворными?) скифами, готовыми выступить на стороне Палака.

Полностью солидаризируясь с основной мыслью Блаватской о стремлении Диофанта добиться боспорского нейтралитета, не могу не высказать своих сомнений по поводу реальности предложенных ею и Молевым конкретных разъяснений. Едва ли «Боспор оставался третьей силой, позиция которой не была сразу ясна Диофанту». Столь поспешное прекращение на время военных действий и незамедлительная поездка на Боспор свидетельствуют скорее всего об обратном: Диофант был прекрасно осведомлен о реальной опасности выступления Боспора на стороне Палака, что и подтверждается теперь интерпретацией С. Я. Лурье и Э. Л. Казакевич стк. 32 Диофанта декрета (см. ниже). Что же касается другого предположения — об опасениях херсонеситов, то, во-первых, незаурядный полководец и дипломат, Диофант руководствовался собственными, а не херсонеситов, тактическими и стратегическими соображениями, а во-вторых, в том шатком, ненадежном положении, в котором оказался Перисад, и которое два года спустя кончилось для него столь трагически, боспорскому царю было вовсе не до развязывания по собственной инициативе агрессивной политики.

Учитывая этот обстоятельство Молев пытается переложить инициативу такой политики с Перисада на его скифских приближенных, что также порождает сомнения. Спрашивается: почему наследник боспорского престола, представитель скифской знати Восточной Таврики⁸⁵ Савмак, так пекшийся о судьбе своих соплеменников в Центральном Крыму, должен был подвигнуть Перисада выступить им на помощь немедленно после первого решительного поражения Палака, если он не сделал этого год спустя в гораздо более благоприятной ситуации, когда скифский царь вновь поднял голову, собрал новые силы и, заручившись союзом огромного войска роксолан, готовился дать реванш Диофанту за позорное поражение в первой кампании? Не выступили боспорские скифы, как мы знаем, и сразу вслед за вторым поражением Палака.

Взвесив еще раз все *pro* и *contra*, проанализировав снова как основной источник, так и все побочные, я решаюсь предложить свою интерпрета-

⁸³ Молев. Митридат Евпатор, с. 39.

⁸⁴ См., например: Гайдукевич В. Ф. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 17—22; Молев. Митридат Евпатор, с. 40.

⁸⁵ Молев. Установление власти... с. 66; он же. Митридат Евпатор, с. 37.

цию событий, которая и теперь — после обнаружения новых данных, — возможно, покажется многим умозрительной и фантастичной⁸⁶. Боспор не только не находился во враждебных отношениях со Скифским царством, не только не должен был платить ему унижительную дань, но как раз наоборот: оба царства были связаны тесными узами, скрепленными династийными браками, причем — как показывают примеры Аргота, супруга Камасарии, и царицы Сенамотис — достаточно давними, ставшими уже традиционными. Результатом этого союза стал паряду с прочими соглашениями договор, по всей вероятности, о взаимной военной помощи в случае нападения на одну из сторон⁸⁷.

Диофант, воспитанный при дворе Перисада V (см. ниже), был бы прекрасно осведомлен о существовании такого договора, текущую же необходимую информацию ему могли сообщить херсонеситы. Если этот договор действительно предусматривал военную подмогу в случае нападения на одну из сторон, то до тех пор пока нападавшей на Херсонес стороной оставалось Скифское царство, а предшественник (предшественники) Диофанта на посту командующего понтийской армией вынужден был вести оборонительные бои, договор не обретал силу. Но Диофант отдавал себе полный отчет в том, что как только Палак, потерпевший первое поражение, оказался *подвергшимся нападению*, договор должен будет вступить в действие. Опытный тактик, он осознавал, какой опасности подвергнет свою армию, поведя ее в глубь Крыма для штурма царских крепостей, если в этот момент Перисад, верный союзническому долгу, высадит с кораблей свое войско в Херсонесе, отрежет его от базы, от флота, и он окажется между скифами и боспорянами как между молотом и наковальней.

Поэтому едва обеспечив свой тыл в земле тавров, он срочно едет на Боспор и проводит переговоры с Перисадом. В своей дипломатии он мог использовать разные аргументы, например сослаться на то обстоятельство, что агрессором был не Херсонес и не Митридат, а Скилур и Палак, так что, сохраняя нейтралитет, Перисад формально не поступится договором. Более действенной, однако, могла быть обрисованная Диофантом перспектива скорейшего разгрома скифов и превращения их царства в вассальное, подвластное Понту, что автоматически аннулирует сам договор. Не исключено, как предполагал Жебелев, что одним из пунктов этих переговоров была будущая передача Боспорского царства Митридату, однако это был далеко не единственный и далеко не главный вопрос протокола. Диофантом могли быть введены в действие также другие методы и аргументы, однако далеко не последним среди прочих были дружеское отношение, доверительность и личная привязанность, располагавшие Перисада к Диофанту как к воспитаннику: трудно было подобрать более подходящую кандидатуру для выполнения этой нелегкой дипломатической миссии! Добившись за недолгое время своей цели, т. е. совершив те самые *πολλάς καὶ μεγάλας πράξεις*, Диофант возвратился к своему войску в Херсонес, что дает и нам повод после небольшого экскурса вернуться к тексту изданного в его честь декрета.

⁸⁶ См., например, дискуссию по нашему докладу в кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 648, 658.

⁸⁷ Документы, собранные в хрестоматии «Staatsverträge des Altertums», показывают, что это была одна из самых распространенных разновидностей соглашений. Классический и наиболее близкий по времени и месту пример — договор Фарнака с Херсонесом 179 г. (IOSPE, I², 402), по букве которого понтийский царь был обязан прийти на помощь херсонеситам, если на тех нападут соседние варвары.

Последующие события хорошо известны, а потому изложу их возможно короче. По возвращении Диофант довершил начатую операцию: укрепив свою армию цветом херсонесского воинства, он двинулся в глубь Скифии и, после того как ему были сданы царские крепости Хабеи и Неаполь, сделал подвластными Митридату почти всех скифов, за каковое деяние и получил заслуженные почести от херсонесского демоса (IOSPE, I², 352. 11—15).

Однако скоро, видимо, не позже чем через год, т. е. ок. 112 г., скифы, как повествует декрет, проявили «врожденное вероломство» и отложились от державы Митридата. Царю пришлось срочно поздней осенью снова послать Диофанта с войском в Таврику; тот опять, укрепив свои ряды наиболее сильными из херсонеситов, двинулся против царских крепостей, но, остановленный зимней непогодой, повернул в приморские местности, отбил у скифов Керкинитиду и целый ряд укреплений (τὰ τεῖχη), а Калос Лимен подверг осаде, которую довершили сами херсонеситы (IOSPE, I², 353). Тем временем Палак напряг все свои силы и привлек к союзу огромное 50-тысячное войско роксолан во главе с Тасием (ср. Strabo, VII, 3, 17); однако решительное сражение окончилось столь блестящей победой Диофанта, что из Палакова войска почти никто не спасся (сткк. 15—23).

Ранней весной следующего (111?) года Диофант опять повел свои вооруженные силы против царских крепостей скифов, которые он, по всей видимости, захватил; однако повреждение первых двух строк столбца II изданного в его честь декрета затрудняет выяснение подробностей этой операции. Тем не менее от правильной реконструкции сткк. 30—31 во многом зависит более точное понимание сути понтийско-скифских взаимоотношений на этом и последующих этапах. Вся вторая половина фразы после причастных оборотов (παρεῖς, παραλαβὼν, ἐλθὼν) состоит из двух периодов с инфинитивными сказуемыми [δι]αφυγεῖν⁸⁸ и βουλευσασθαι, зависящими от пропавшей личной формы глагола. Обозначала ли эта форма действия самого Диофанта⁸⁹ или там стоял безличный оборот⁹⁰, ясно одно: частицей δέ во втором периоде все прочие скифы (τοὺς δὲ λοιποὺς Σκύθας), которые должны были о чем-то совещаться (βουλευσασθαι), противопоставлены какому-то лицу или группе лиц, которым удалось бежать (διαφυγεῖν). Поскольку перед этим речь шла о взятии царских крепостей, где укрылся главный враг Диофанта — Палак, рискуя предложить следующее примерное восстановление сткк. 30/31: [e.g. . . . τοὺς μὲν περὶ Πάλακον δι]αφυγεῖν⁹¹, τοὺς δὲ λοιποὺς Σκύθας

⁸⁸ Так правильно по остаткам *альфы* дополняет этот глагол Хиллер, в Syll.², 709; ср. стк. 23 — διέφυγον. В стк. 35 Латышев дополнял διαφ[υγὼν τὸν], однако на эстампаже, снятом в 1878 г. Д. И. Косцюшко-Валюжиничем (см. Lurje. Op. cit., гус. 2), после *фи* отчетливо видны остатки *теты*, наводящие на более изящное с точки зрения эллинистической прозы дополнение: διαφ[άτας τὸν] κίνδυνον. Этот глагол отсутствует в L—S—J, поскольку он как ἀπαξ стоит в mss. Lr у Plut., Demet. 7, 3 Zieg. Предлагаемая конструкция оправдывает реальность διαφάνω; для переходного его значения ср., например, Herod., VII, 188; ἐφθησαν τὸν χειμῶνα — «упредили шторм».

⁸⁹ Ср. дополнение Фукара ἡνάγκαζε с корректировкой Румфа и Бехтеля ἀνάγκαζε (см. IOSPE, I², p. 303).

⁹⁰ Например, συνέβη + inf. в сткк. 13 и 26.

⁹¹ Лурье (op. cit., p. 77) так же дополняет здесь [τοὺς μὲν περὶ Πάλακον Σκύθας или под.] φυγεῖν, но в рамках своей гипотезы предполагает, что «может быть, из состава союзного скифского войска одна часть, возглавляемая, вероятно, самим Палаком, была обращена в бегство..., а другая, может быть, состоящая из союзных с ним боснорских скифов и возглавляемая Савмаком, приняла план относительно соседних с

περὶ τῶν καθ' ἑαυτοῦς πραγμάτων σὺν αὐ]τῷ (sc. Διοφάντῳ) βουλευέσασθαι⁹² — «... [Палак и иже с ним] бежали, а все прочие скифы *должны были* совещаться с ним (т. е. с Диофантом. — Ю. В.) об их [государственном устройстве]». Стандартное выражение τὰ πράγματα, как будет показано в другом месте, постоянно означало в подобных контекстах «политическое положение дел, государственное устройство, интересы государства, государство»⁹³.

Если предложенная реконструкция верно передает смысл фразы, то мы вправе предположить, что и в данной ситуации Диофант действовал не только с помощью голой военной силы: захватив резиденции скифских царей и принудив Палака и его приближенных бежать из страны, он устроил с прочими скифами (разумеется, их зная) нечто вроде политического консультативного совещания под своим председательством, где обсуждались вопросы подчинения скифов Понту, назначения нового правителя или правителей и т. п. Я полагаю, что Скифское царство не было полностью инкорпорировано в Понтийскую державу Митридата, но, сохранив какую-то известную долю автономии (например, собственную царскую власть), стало вассально зависимым с обязательством выплаты дани, поставки воинских контингентов и т. п. Подобная форма зависимости обозначена в нимфейском посвящении статуи Митридата и документах его преемников потестарным термином ὑποτάξας⁹⁴. Недаром перед первой Митридатовой войной Римский сенат постановил, чтобы Митридат вернул скифским царям всю полноту исконных прерогатив власти⁹⁵.

Дальнейшие события развивались быстро и бурно. Навсегда покончив со скифским своевластием, Диофант снова отправился на Боспор юридически оформлять передачу власти Перисадам Митридату. На сей раз в его арсенале было гораздо больше аргументов, так что соответствующий акт был, видимо, быстро составлен: по выражению сочинителя декрета (сткк. 32—33), Диофант «и тамошние дела (τὰ ἐνθινα) устроил прекрасно и с пользой для царя Митридата Евпатора». Но тут произошло непредвиденное: Савмак с группой лиц скифского происхождения устраивает государственный переворот (τῶν περὶ Σαύμακον Σχυδᾶν νεωτερίζαντων), убивает взрастившего его (т. е. Диофанта) боспорского царя Перисада, а против него самого составляет заговор (τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτὸν βασιλέα Βοσπόρου Πατρισάδαν ἀνελόντων, αὐτῷ δ' ἐπιβουλευσάντων). Диофанту удается избежать опасности, поскольку херсонеситы прислали за ним корабль. Прибыв в Херсонес, он призывает граждан (к сопротивлению?), затем отправляется в Понт, куда, по всей видимости, уже отбыла большая часть его войска и, «имея ревностного пособника в лице отправляющего его снова царя Митридата Евпатора», в начале весны следующего (110?) года появляется в Таврике во главе сухопутной армии и флота, куда он включает десант отборных херсонеситов на трех кораблях. Отправившись из Херсонеса на Боспор, Диофанту удается захва-

ними областей, в котором предусматривалось между прочим нападение на Боспор и убийство царя Перисада...; может быть, восстание боспорских скифов было внутренним восстанием, происшедшим по наущению скифского войска».

⁹² Менее удачными выглядят другие дополнения: περὶ τῶν καθ' ἑαυτοῦς αἰσθόμενος ἐν τοῦτῳ (Юргевич), καθ' ἑαυτὸν διαφερόντων ἐκασ]τῳ (Ернштедт).

⁹³ Ср. сткк. 43/44: τὰ δὲ πράγματα ἀνεκτάσας βασιλεῖ.

⁹⁴ См. Виноградов, Молев, Толстиков. Ук. соч., с. 595 и прим. 8; КБН 39.3; 40.4; ср. Vinogradov Ju. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr. — Chiron, 1980, 10, S. 85, Anm. 116.

⁹⁵ Memnon., FGrH, 434 F 22,4: τὰς πατρίδας ἀρχάς.

тить опорные пункты восставших — Феодосию и Пантикапей, наказать виновников восстания, а самого Савмака — убийцу Перисада — под стражей отправить в Понт, где его судьба должна была быть решена самим царем. Таким образом власть Митридата над Боспорским царством установлена окончательно (IOSPE, I², 352.34—44).

Как известно, характер восстания Савмака вызвал, особенно после выхода в свет работы Жебелева, оживленную дискуссию, частностей которой здесь нет нужды касаться, тем более что ее итоги в целом подведены как в отечественной, так и в западной историографии⁹⁶. Но поскольку это историческое событие еще один (и последний) ключ к решению нашей проблемы — выяснению сути скифо-боспорских отношений, то на основных моментах остановиться необходимо.

Со всей определенностью следует заявить следующее. Сторонники концепции Жебелева пытались упрекнуть своих противников в том, что те подменяют разбор исторической ситуации, сложившейся на Боспоре в конце II в., анализом «филологической» стороны вопроса, что может, будто бы привести к такому положению, когда «из-за деревьев не станет видно леса»⁹⁷. Такой подход и полемический прием методически непозволительны: в нашем распоряжении всего один-единственный источник о восстании Савмака, и этот источник текстовой, повествовательный, а потому он и должен быть прежде всего подвергнут текстологическому анализу, и только потом уже результаты могут быть соотнесены с исторической обстановкой того времени, как она рисуется по данным других источников. Разве идя не тем же путем, Жебелев сумел выдвинуть свою концепцию?

А начав с текстологии, мы тут же упрямся в интерпретацию выражения стк. 34 τὸν ἐκτρέφαντα αὐτόν: как понимать это причастие от глаг. ἐκτρέφω и кто скрывается под αὐτόν? Не приводя здесь всей системы их аргументации, полностью присоединяюсь к С. Я. Лурье и Э. Л. Казакевич⁹⁸: они предприняли столь ювелирный филологический анализ контекста, доказав, можно сказать (если этот эпитет вообще приложим к такой тонкой живой материи, как греческий язык), с математической точностью, что пресловутое αὐτόν должно относиться только к Диофанту, что после этого шансы любой другой интерпретации текста становятся астрономически малы⁹⁹.

Оппонентам двух названных исследователей так и не удалось опровергнуть их главный текстологический довод. Гайдукевич своим контраргументом: «Двукратное применение местоимения αὐτός к разным лицам (αὐτόν — Савмак, αὐτῷ — Диофант) исключало возможность недоразумений благодаря логике контекста и значению частиц μέν—δέ как средства, оттеняющего противоположения, что и является одной из основных

⁹⁶ См. Гайдукевич В. Ф.¹ К дискуссии о восстании Савмака. — АИКСП, 1968, с. 81—95; Rubinsohn. Op. cit.

⁹⁷ Гайдукевич. К дискуссии..., с. 81 сл.

⁹⁸ Лурье. Op. cit.; Казакевич Э. Л. К полемике о восстании Савмака. — ВДИ, 1963, № 1, с. 57—70.

⁹⁹ Вот почему не выдерживает критики толкование А. И. Немировского (Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов. — В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с. 63—70), успевшее уже найти некоторое сочувствие (Ломоури. Ук. соч., с. 70 сл.): αὐτόν не только не может относиться к Митридату Евпатору «по правилам грамматики» (как считает автор толкования), но подобное соотнесение полностью противоречит этим правилам, так как, во-первых, имя Митридата стоит в предыдущем и непосредственно не соединенном синтаксически с нашим предложением, а во-вторых (и это главное) в едином периоде фразы, прочно скрепленном неравнучной парой частиц μέν—δέ, местоимения αὐτόν и αὐτῷ могут означать только одно лицо.

их функций»¹⁰⁰, показал только свое непонимание сути и силы довода. По этому поводу Грейс совершенно четко заметила: «противопоставлены в сткк. 34—35 декрета не два αὐτός, а „воспитавший его“ и „он сам“ [как объекты разных действий со стороны взбунтовавшихся скифов]; тем самым частицы оттеняют именно идентичность лиц, замененных местоимением αὐτός в одном и другом случае»¹⁰¹. Савмак мог бы скрываться под αὐτόν только при одном условии: если бы составитель декрета заменил αὐτός на Διοφάντωι.

Окончательное выяснение вопроса, кто такой αὐτός в стк. 34, собственно говоря, делало бы излишним опровержение главного тезиса Жебелева: выражение τὸν ἐκτρέφαντα αὐτόν означает, по его мнению, что Савмак был вскормленным рабом, θρεπτός Перисада, ведь теперь им становился Диофант, сын Асклепиодора, гражданин Синопы, однако и здесь убедительный лексический анализ причастия ἐκτρέφαντα, проведенный Лурье и Грейс, показал, что без соответствующих разъяснений (как в данном контексте) речь должна идти о лице, возвращенном, воспитанном в доме другого человека. Следовательно, приходится признать, что не Савмак, а будущий понтийский полководец в детстве воспитывался при боспорском дворе. Однако возникает еще ряд взаимосвязанных вопросов: о целях и характере восстания, его руководителе, размахе и движущих силах, вопросов, открывших широкое поле для всевозможных гипотез и логических построений. Рассмотрим, насколько последние реально соответствуют данным нашего основного и дополнительных источников.

Как известно, Жебелев главной движущей силой восстания считал скифских рабов на Боспоре, опираясь на якобы рабский статус их предводителя Савмака¹⁰². Гайдукевич, уточняя его концепцию, расширил социальную базу выступления, предположив в его рядах присутствие «и городских ремесленников, и зависимых крестьян, и всякого рабочего люда, а также рабов»; особо он подчеркивал, однако, участие в нем сельских жителей¹⁰³. Он полагал, что восстание охватило целиком весь Восточный Крым со всем многочисленным его городским и сельским населением, что в него были втянуты широкие массы. Кроме логических соображений конкретную опору в источниках он находит только одну: карательная экспедиция Диофанта долго и тщательно готовилась, в ней принимали участие крупные сухопутные и морские силы.

Идя в русле этой концепции дальше, Молев нарисовал красочное полотно захвата Диофантом Феодосии, дальнейшей длительной борьбы за Пантикапей, стойившей немалых потерь, штурма столицы после ожесточенного сопротивления и гибели основной массы защитников и т. п.¹⁰⁴ Опорой в источниках ему послужили, во-первых, тот факт, что Диофант начал третью кампанию весной 107 г. (по Молеву), а декрет в его честь

¹⁰⁰ Гайдукевич. К дискуссии..., с. 82; он же. Еще о восстании..., с. 7.

¹⁰¹ Казакевич. Ук. соч., с. 62 (в скобках вставка со с. 59). То, что Гайдукевич повторил тот же свой контрдовод (К дискуссии..., с. 82), и после разъяснения Казакевич, показывает, что он скорее не захотел понять силы аргумента оппонентов. Зато это прекрасно понимает В. Ц. Рубинзон (op. cit., p. 62 f.), голословно утверждающий тем не менее, что Лурье ошибался в субституции местоимения αὐτός. Однако конкретных возражений тому, что оба мест. αὐτός в едином периоде должны непременно означать одно лицо, им не приводится.

¹⁰² Жебелев. — СП, с. 105—115. Ср. Diehl E. Saumakos. — RE, Supplbd. VI, 1935, Sp. 653.

¹⁰³ См. Гайдукевич. Еще о восстании..., с. 20, 23; он же. О скифском восстании..., с. 20—22; он же. К дискуссии..., с. 89; idem. Op. cit., S. 314. Апп. 17. Ростовцев (SEHNW, p. 770) считал, что Савмак опирался на крепостных крестьян (bondsmen).

¹⁰⁴ Молев. Митридат Евпатор, с. 40, 43.

издан 19 *дионисия*, т. е. в феврале, иными словами, поход закончился не ранее января следующего года; во-вторых, он указывает на разрушение пантикапейского пританея, относящееся якобы к этим событиям¹⁰⁵.

Однако участие в восстании широких масс эксплуатируемого скифского населения — голая презумпция: за лаконичными *Σκοῦδῶν*, сплотившимися вокруг Савмака, не проглядывается не только их социального статуса, но даже профессиональной принадлежности. Что касается размаха выступления, то декрет говорит лишь о том, что Диофанту пришлось отвоевывать у восставших два города — Феодосию и Пантикапей, но никак не весь Восточный Крым. Подготовка экспедиции Диофантом могла затянуться по каким угодно причинам: возможно, его переговоры с Перисадом начались не сразу после окончательной победы над Палаком, а осенью; мы не знаем, сколько времени он пробыл в Пантикапее после переворота, пока готовился его побег; за это время его войска, отбывшие в Понт, могли быть уже передислоцированы Митридатом в другое место (например, в Ольвию или Колхиду) и пришлось собирать новые, да и переправляться по штормовому морю зимой в Таврику он считал слишком рискованным. Наконец, вовсе не исключено, что Диофанту предстояло сражаться не с толпой плохо вооруженных и необученных скифских крестьян, а с гораздо более грозным противником (см. ниже), что потребовало и гораздо более серьезного снаряжения экспедиции.

Что касается длительного и упорного сопротивления скифов Савмака, то мы знаем из стк. 38 декрета, что Диофант выступил против них ранней весной (*ἄρροῦ ἔαρος*), месяц же *дионисий* херсонесского календаря скорее всего приходится также на весну¹⁰⁶, и если правомерно сопоставление с календарем Византия, то 19-е число этого месяца должно падать уже как минимум на март. Иными словами, если допустить, что декрет был издан тотчас же после пленения Савмака¹⁰⁷, то ничто не мешает предположить, что Диофант провел *Blitzkrieg*, разгромив мятежников за месяц (февраль-март), а то и менее. Предположение о том, что пантикапейский пританей (и эта атрибуция не бесспорна) погиб во время бурных событий конца II в. до э., а не, к примеру, в результате землетрясения 63 г. до н. э., археологически трудно доказуемо.

Но кроме негативно-критических есть и другие соображения. Казакевич было подмечено, что оборот *οἱ περὶ τὸν θεῖον* начиная особенно с эллинистической эпохи стал настоящим перифразом, обозначающим какого-то известного человека вместе с его непосредственным окружением или даже только его одного¹⁰⁸. Уже из одного этого могло бы следовать, что в *τὸν περὶ Σαύμακον Σκοῦδῶν νεωτερίζαντων* едва ли уместно видеть «широкие народные массы скифов». Исследовательница удачно сопоставила в этой связи два места из документа: сначала в стк. 35 говорится

¹⁰⁵ Там же, с. 43 и прим. 45.

¹⁰⁶ См. *Hanell K. Megarische Studien*. Lund, 1934, S. 199. Нам не известен точно ни порядок месяцев календаря мегарских колоний, ни первый месяц года (см. *Samiel A. E. Greek and Roman Chronology*. München, 1972, p. 88; ср. *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити античного Херсонеса. — ВДИ, 1976, № 3, с. 139 сл.).

¹⁰⁷ И это не абсолютный факт, так как после этого события в документе упоминуть посольства херсонеситов, которым содействовал Диофант (сткк. 44—46); их он, конечно, мог принимать в Понте и в прежние годы.

¹⁰⁸ *Казакевич*. Ук. соч., с. 62 сл. Ср. *Schwyzler E. Griechische Grammatik*. Bd. II. München, 1950, S. 417. Пример, связанный с боспорской историей, см. у *Strabo*, VII, 3, 8: βασιλεῖον τὸν περὶ Λεβύωνα, с интерпретацией этого места Л. И. Грацианской (Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 11 сл.).

о скифах, убивших Перисада ($\Sigma\kappa\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu \dots \acute{\alpha}\nu\epsilon\chi\acute{o}\nu\tau\omega\nu$), а ниже в стк. 42 убийцей ($\tau\acute{o}\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\chi\epsilon\iota\rho\alpha$) назван один Савмак¹⁰⁹. Идя по намеченному ею пути дальше, кажется интересным обратить внимание на риторический параллелизм и корреляцию указанных пассажей в более полном их объеме. В обоих местах вычленяется *сознательно* употребленная сочинителем декрета (с целью риторического противопоставления обстоятельств возникновения заговора и его конечной судьбы) бинарная структура (в первом пассаже она расширена третьим элементом), включающая не только абсолютно аналогичные действия, но и одинаковых субъектов этих действий, представленных в *plur.* и *sing.*:

сткк. 34—35: $\tau\acute{o}\nu \pi\epsilon\rho\acute{\iota} \Sigma\alpha\upsilon\mu\alpha\chi\omicron\nu \Sigma\kappa\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu \nu\epsilon\omega\tau\epsilon\rho\iota\acute{\xi}\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu \kappa\alpha\iota \dots$

$\text{Παιρισάδαν ἀνελόντων}$

сткк. 41—43: $\tau\omicron\upsilon\varsigma \dots \alpha\iota\tau\acute{\iota}\omicron\upsilon\varsigma \tau\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\pi\alpha\nu\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\omicron\varsigma \tau\iota\mu\omega\rho\eta\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota$

$\Sigma\alpha\upsilon\mu\alpha\chi\omicron\nu \tau\acute{o}\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\chi\epsilon\iota\rho\alpha \dots \text{Παιρισάδα λαβὼν ὑποχείριον.}$

Если по три элемента этих структур точно соответствуют друг другу ($\nu\epsilon\omega\tau\epsilon\rho\iota\acute{\xi}\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu = \tau\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\pi\alpha\nu\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\nu\epsilon\lambda\acute{o}\nu\tau\omega\nu = \tau\acute{o}\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\chi\epsilon\iota\rho\alpha$, $\Sigma\alpha\upsilon\mu\alpha\chi\omicron\nu = \Sigma\alpha\upsilon\mu\alpha\chi\omicron\nu$), то и два оставшихся, поставленных в одном и том же множ. числе, при прочих не противоречащих друг другу характеристиках должны быть идентичны, а они этими характеристиками как раз и обладают: скифы ($\tau\acute{o}\nu \Sigma\kappa\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu$) во главе с Савмаком, поднявшие восстание, и есть его виновники! ($\tau\omicron\upsilon\varsigma \alpha\iota\tau\acute{\iota}\omicron\upsilon\varsigma \tau\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\pi\alpha\nu\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\omicron\varsigma$).

Из проведенного стилистического анализа, на мой взгляд, со всей очевидностью следует, что: 1) Диофант покарал не всех принявших участие в восстании, но только его *зачинщиков* и Савмака; 2) эти зачинщики и были теми *скифами*, которые сплотились вокруг Савмака; 3) из источника непосредственно не следует, что в восстании приняли участие какие-то иные скифы, кроме тех, которые сгруппировались вокруг Савмака, хотя в действительности это вовсе не исключено; 4) вне зависимости от того, насколько многочисленны были ряды участников восстания, заговор был устроен *ограниченной группой* скифов, предводителем которой стал Савмак; 5) последний пункт лишний раз подтверждается третьим элементом первой структуры: $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\iota \delta' \acute{\epsilon}\pi\iota\beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$ — «против него (Диофанта) они составили заговор». Если можно себе еще как-то представить, что воображению составителя декрета рисовались толпы разъяренных повстанцев-скифов, врывающихся во дворец и убивающих Перисада, то он — как и мы — должен был отдавать себе ясный отчет в том, что заговор составляется узким кружком инсургентов, которыми и были — по отношению к ним сказуемого $\acute{\epsilon}\pi\iota\beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$ — те же самые $\omicron\iota \pi\epsilon\rho\acute{\iota} \Sigma\alpha\upsilon\mu\alpha\chi\omicron\nu \Sigma\kappa\upsilon\theta\acute{\alpha}\iota$.

Из всех выведенных выше пяти положений неоспоримо следует, что наш *единственный источник* не дает никаких оснований вычитывать из него сведения о движении широких скифских масс, охватившем весь Европейский Боспор: он однозначно повествует лишь о заговоре ограниченной группы лиц скифского происхождения во главе с Савмаком, устроивших государственный переворот. Допускать массовость восстания можно лишь на основании косвенных данных и логических умозаключений. Но прежде чем к ним перейти, попытаемся выяснить личность инициатора переворота и цели, им преследуемые.

¹⁰⁹ Казакевич. Ук, соч., с. 63.

Исходя из варварского (иранского: суф. *-αχος*) характера имени Савмака и из того факта, что он возглавил скифских повстанцев, абсолютно все исследователи справедливо считали Савмака скифом, но определяли его происхождение по-разному ¹¹⁰. До выхода работы Жебелева по этому вопросу царило почти полное единодушие, основанное на казавшемся тогда бесспорным факте воспитания Савмака при дворе Перисада: Савмак был наследником боспорского престола. Предполагалось, в частности, что Перисад был бездетным, а потому воспитал или был принужден скифами воспитать себе скифского преемника, согласно гипотезе некоторых ученых, быть может даже одного из сыновей Скилура (Юргевич, Бурачков, Вайль, Брандис, Рейнак, Хольм, Миннз, Ростовцев и др.). В соответствии с этим причину переворота видели, естественно, в том, что Савмак как наследник трона был возмущен передачей власти над Боспорским царством Митридату.

Жебелев, как уже говорилось, увидел в Савмаке дворцового раба. Гайдукевич противоречиво выразил свое отношение к статусу Савмака: из двух посмертных одновременно вышедших работ в одной ¹¹¹ он будто бы отстаивает точку зрения по этому поводу Жебелева, а во второй ¹¹² — недвусмысленно признается: «Как известно, в тексте херсонесского декрета нет прямых указаний на то, что Савмак был рабом». В качестве причин выступления широких масс скифов он предполагает их опасения, что с установлением режима «твердой руки» Митридата их эксплуатация ужесточится.

Молев снова видит в Савмаке наследника Перисада, но представителя скифской знати Восточной Таврики, опиравшегося в своем выступлении на «скифскую партию» при дворе боспорского царя, однако увлекшего за собой опять же широкие слои боспорских скифов. В соответствии с этим причины и цели восстания он усматривает не только в отстаивании Савмаком законных прав на престол, но также в «росте национального самосознания скифов и их недовольстве многовековой экономической зависимостью от греческих городов Боспора» ¹¹³. Наконец, Рубинзон, не определяя ближе положения Савмака, в виде осторожной гипотезы предлагает считать причиной выступления скифов скорее не борьбу их лидера за трон, а стремление сохранить свой прежний статус перед угрозой перехода под власть понтийского царя ¹¹⁴.

Все перечисленные последними гипотезы уязвимы. Не говоря уже о том, что, как показано выше, декрет не дает никаких прямых оснований считать участниками восстания каких-то иных скифов, кроме кучки заговорщиков во главе с Савмаком, совершенно непонятными остаются опасения скифов, кем бы они ни были: почему с воцарением Митридата их статус должен был измениться к худшему или их эксплуатация стать более суровой? Учитывая все прямые и косвенные данные и на сегодняшний день гораздо более резонной выглядит гипотеза о дворцовом перевороте, имевшем целью сохранить власть за уже объявленным наследником Перисада — Савмаком. В этой связи особенно примечательно то обстоятельство, что боспорские скифы, несмотря на все их возросшее

¹¹⁰ Разноречивые точки зрения перечислены в названных выше работах Жебелева, Гайдукевича и др.

¹¹¹ Гайдукевич. К дискуссии..., с. 84 сл.: «Его [Жебелева] гипотеза правдоподобнее всех прочих».

¹¹² Он же. О скифском восстании..., с. 20.

¹¹³ Молев. Митридат Евпатор, с. 37—40.

¹¹⁴ Rubinsohn. Op. cit., p. 68.

«национальное самосознание», не выступают на помощь своим сородичам в Центральном Крыму ни после первого разгрома Палака, ни после второго, но только тогда, когда Перисад передает свое царство Митридату.

Вернемся, однако, к вопросу о движущих силах, социальной опоре восстания, ибо совершенно очевидно, что без мощной поддержки Савмаку не удалось бы сравнительно долго удержаться на Боспоре. Естественно, абсолютное большинство интерпретаторов видело опору движения в упомянутых в стк. 34 декрета Σχόλαι, причем никто не сомневался, что это широкие массы повстанцев-скифов. Кроме версии Жебелева и его сторонников, все предположения на этот счет развивались *mutatis mutandis* по трем направлениям. Скифы, на которых опирался Савмак, были: 1) скифами царства Скилура — Палака либо союзного с ним племени (Низе, Лурье); 2) скифским племенем, обитавшим в Восточном Крыму или на границах с ним (Юргевич, Брандис), заключившим союз с Перисадом для борьбы с Палаком (Коцевалов, 1937 г.); 3) просто скифским войском на службе Перисада (Юргевич, Лурье, Коцевалов, 1955 г.). Жебелев (и за ним Струве) главными участниками восстания назвал скифских рабов, Гайдукевич — широкие слои зависимого населения боспорских сел и городов, а Молев присовокупил сюда скифских купцов и «скифскую партию» знати при дворе Перисада.

Предположение Низе справедливо опроверг уже Брандис, гипотеза Жебелева отклоняется текстологическим анализом, допущение о независимом от Боспора скифском племени, имевшем своего вождя и кочевавшем на территории его хоры во II в. до н. э., малоприемлемо в свете археологических данных, а предположение о союзном Перисаду племени, поселившемся в Восточной Таврике, фактически равнозначно гипотезе о скифском войске на службе Перисада. Итак, мы как будто бы оказываемся перед альтернативным выбором: широкие слои скифского населения как опора восстания либо переворот, совершенный скифским войском. Надо сказать, что второе допущение, высказанное уже первоиздателем декрета Юргевичем, а потом дважды повторенное независимо друг от друга Лурье (в 1948 и 1959 гг.) и Коцеваловым (в 1955 г.), никем убедительно опровергнуто не было: Гайдукевич сначала от него попросту отмахнулся¹¹⁵, а потом привел лишь тот довод, что «... в обстановке, сложившейся к концу II в., содержание скифских вооруженных отрядов было бы равносильно преднамеренному самоубийству, поскольку над Боспорским государством тогда нависла вполне реальная угроза нападения войск крымских скифов Скилура и Палака»¹¹⁶. Как я старался показать выше, «в обстановке, сложившейся к концу II в.», в рамках скифо-боспорской унии и предполагаемого оборонительного договора присутствие на Боспоре каких-то воинских контингентов, предоставленных Скилуром, было не только не самоубийством, но вполне допустимой реальностью¹¹⁷. Вторая гипотеза даже выигрывает по сравнению с первой, поскольку проще объясняет тщательность подготовки Диофантом последней кампании: он отправлялся сражаться не с мирными *γυναικες*¹¹⁸, а с хорошо обученными и вооруженными профессиональными воинами.

¹¹⁵ Гайдукевич. Еще о восстании..., с. 20: оно «настолько произвольно и лишено опоры в реальных данных, что едва ли можно вообще серьезно это обсуждать».

¹¹⁶ Он же. К дискуссии..., с. 85 сл.

¹¹⁷ Вспомним в этой связи о 30 000 союзной скифской пехоты и конницы, обеспечивших Сатиру победу в битве при Фате (Diod., XX, 22,4), и другие примеры скифо-боспорской симмахии (см. Шелов-Коведяев. Ук. соч., с. 168).

¹¹⁸ Ср. Гайдукевич. К дискуссии..., с. 88.

Должны ли мы после сказанного отдать предпочтение этой стороне альтернативы? Думаю, что нет, да и альтернативы-то как таковой не существует, поскольку на Боспоре оставались, кроме того, различные силы, которые могли либо способствовать, либо помешать успеху восстания. Сам Жебелев в свое время допускал, что, «очевидно, и флот, стоявший в Пантикапее, примкнул к повстанцам»¹¹⁹. Не менее ценное соображение высказал Молев: «... в Пантикапее была еще и наемная царская армия: одних ее сил было бы вполне довольно для выступления против недостаточно подготовленного и слабо вооруженного скифского населения Боспора. Быстрый успех сторонников Савмака показывает, что наемники Перисада не оказали серьезного сопротивления. С одной стороны, это подтверждает законность претензий Савмака на власть в их глазах, а с другой, — позволяет думать, что командование наемниками могло находиться в руках приверженцев скифского наследника»¹²⁰. Как видно, до появления новых данных комбинировать и раскладывать силы восставших можно сколько и как угодно.

Мне кажется, что подходить к решению вопроса о характере и сути переворота, происшедшего на Боспоре, надо иначе: с позиций его инициаторов и руководства, поскольку в любом случае, как показано выше, никаких сведений о прочих его участниках из нашего единственного источника извлечь нельзя. Опираясь на тот твердый факт, что совершил переворот узкий кружок заговорщиков во главе с Савмаком, что они предприняли решительные шаги не ранее, чем была юридически оформлена передача власти над Боспором Митридату, и учитывая традиционные династические связи скифского и боспорского царских домов, я решаюсь присоединиться к тому большинству, которое видело в Савмаке знатного скифа, не исключено даже — брата царевны Сенамотис. Его появление при дворе последнего Спартокида вовсе не обязательно было связано с усыновлением или воспитанием его Перисадом, что, как показали Лурье и Казакевич, прямо не следует из текста декрета: подобно своему предшественнику Арготу, женившемуся на овдовевшей боспорской царице Камасарии, он мог взять в жены одну из дочерей Перисада либо кого-то из представителей боспорской знати.

Судя по всему, его тесное скифское окружение появилось на Боспоре по тому же или какому-то схожему поводу. Не исключено, что вследствие неизвестных нам причин ему был завещан боспорский престол, но главное даже не в этом — в силу своего положения он, как и его скифские сотоварищи, должен был занимать один из важных в государстве постов, которыми, как мы знаем, так богата была любая эллинистическая монархия. Именно это его и его друзей высокое положение и обеспечило успех заговора — ликвидацию последнего представителя династии Спартокидов и осуществление государственного переворота. Одной из первых акций нового царя должно было стать привлечение на свою сторону армии наемников, если только сам Савмак или кто-то из его сторонников до того ею не командовал. Дальнейший шаг должен был состоять в создании социальной опоры среди самых разных слоев населения, конкретное выяснение которых неизбежно уведет нас снова в область догадок.

Развиваемая на этих страницах гипотеза о личности Савмака и составе его окружения подтверждается, как кажется, еще одним обстоя-

¹¹⁹ Жебелев. — СП, с. 107.

¹²⁰ Молев. Митридат Евпатор, с. 40 сл.

тельством, почему-то обойденным вниманием всеми, исследовавшими Диофантов декрет. Уже в начальной стадии его изучения Фукар по поводу стк. 11 подметил, что события, имевшие мало отношения к Херсонесу, излагаются в декрете очень кратко¹²¹. Действительно, какими скудными и бесцветными словами описаны результаты первой и второй пантикапейских встреч Диофанта с Перисадам (сткк. 11 и 32/33). И какой поток красноречивой и детализированной информации прорывается вдруг у херсонесского составителя псефизмы тотчас после того, как он доходит до момента савмаковского переворота: здесь и указание на тех, кого сплотил Савмак, и факт воспитания Диофанта Перисадам, и убийство последнего, и заговор против самого стратега. Далее, правда, повествование снова возвращает нас к Херсонесу, зато сколь подробно описаны приготовления последней экспедиции и разгром инсургентов: приведена и точная дата возвращения Диофанта из Понта, и состав его войска, и конкретное указание тех городов, которые были отвоеваны понтийской армией, и наказание зачинщиков, и повторное (!) упоминание Савмака как убийцы Перисада, и сообщение о его отправке в Понт.

Удивительная словоохотливость! Особенно неожиданная, если учесть, что речь идет о сугубо *внутренних боспорских* делах, так лаконично и одноотонно названных незадолго в стк. 33 τὰ ἐνδοια. Как бы ни стремился автор псефизмы всячески подчеркнуть доблесть сограждан в разывравшихся драматических событиях, он смело мог бы опустить ряд подробностей. Так чем же все-таки была обусловлена его словоохотливость? Вероятно, одним: все без исключения события, описанные в сткк. 34—44, имели самое прямое отношение к *Херсонесу* и его безопасности¹²²; вся эпопея, связанная с подавлением переворота на Боспоре, — не что иное, как продолжение и завершение борьбы Диофанта за окончательное подчинение скифов Митридату¹²³ и тем самым за полное избавление Херсонеса от варварской угрозы. Ведь недаром не кто иной, как херсонеситы, вызывают Диофанта из беды (стк. 36), херсонесских граждан призывает он, видимо, на борьбу с *общим* врагом (стк. 37), цвет херсонесского гражданства на трех кораблях принял активное участие в решающих боях за Феодосию¹²⁴ и Пантикапей.

Если избранное здесь направление верно, то оно неизбежно должно привести к следующим выводам. Во-первых, херсонеситы явственно ощущали потенциальную угрозу нападения со стороны новой скифской власти на Боспоре. Во-вторых, улавливается некая преемственность и непосредственная связь между царством Скилура и Палака, с одной стороны, и верхушкой боспорских скифов — Савмаком и иже с ним — с другой, как продолжателями политики конфронтации первых с Херсонесом. И наконец, сделанное наблюдение способно послужить еще одним косвенным подкреплением предложенной выше гипотезе о существовании оборонительного союза между Боспорским и Скифским царствами,

¹²¹ Foucart P. Décret de la ville de Chersonésos en l'honneur de Diophantos. — BCH, 1881, 5, p. 80. С его наблюдением согласилось большинство.

¹²² Припомним в этой связи удачное наблюдение Казакевич (ук. соч., с. 62 сл.) по поводу выражения οἱ περὶ Σαβμάκον Σχόδα: значение оборота указывает на то, что Савмак должен был быть личностью, хорошо знакомой читателю — херсонесскому читателю!

¹²³ Это замечательно и тонко подметил Лурье (op. cit., p. 77 sq.).

¹²⁴ В. П. Толстиков обратил мое внимание на неслучайность упоминания в декрете Феодосии — крайнего западного форпоста Боспорского государства, единственного незамерзающего порта, откуда в любое время года удобно было совершить нападение на Херсонес.

а следовательно, и представленному выше объяснению столь поспешной первой поездки Диофанта на Боспор.

Если высказанные соображения признать резонными, то в ином свете предстанет и сам характер переворота. Трудно поверить, чтобы боровшиеся за лучшую долю эксплуатируемые массы боспорских скифов могли бы внушить херсонеситам опасение в том, что они готовы так скоро стать преемниками экспансионистской политики Скилура и Палака, устремившись на завоевание греческих полисов Западного Крыма. И совсем уже немислимыми казались бы подобные же намерения только что освободившихся рабов, движимых, по мнению некоторых историков¹²⁵, подобно Аристонику, идеей построения «солнечного города» — царства братства и справедливости. По-видимому, приходится согласиться с тем, что каким бы ни был социальный состав участников восстания, свою волю в нем, выбор конкретной тактики и политики диктовали не они, а те самые *οἱ περὶ Σαβραχὸν Σκῆδαι*, которые осуществили *coup d'état* в своих личных интересах.

Подводя итоги, попробуем в общих чертах воссоздать картину взаимоотношений Скифского и Боспорского царств во второй половине II в. до н. э. Прочно устоявшимся в науке фактом следует считать изменение этнополитической ситуации, происшедшее в III в. до н. э. в южнорусских степях: перешедшие Танаис сарматы постепенно вытесняют скифов из исконных областей их кочевания и в конечном итоге запирают их в Крыму, оставляя им за его пределами узкую прибрежную полосу от Перекопа до Нижнего Поднепровья¹²⁶. Всю эту территорию Страбон (VII, 4, 5) называет Малой Скифией, вкладывая в это понятие не только географический, но и политический смысл. Действительно, уже в III в. скифы, в значительной степени перешедшие к оседлости, создают свое царство с центром в Крыму, в Неаполе¹²⁷, достигшее наибольшего расцвета и могущества во II в. при Скилуре. В сложении централизованного Скифского государства, безусловно, сыграли свою роль многочисленные и самые разнообразные факторы, но далеко не последней причиной консолидации скифов, как и в конце VI — начале V в.¹²⁸, должна была явиться их постоянная борьба с перманентным натиском внешнего врага — на сей раз не персов, а сарматов.

Окрепшее Скифское царство, будучи ограниченным в своей территории, нуждалось, во-первых, в расширении фонда плодородных земель для развития собственного земледелия и скотоводства, а во-вторых, — рвалось получить выход к морю для стабильного вывоза излишков сельскохозяйственной продукции и получения тем самым дополнительной прибыли. Однако, не имея ни собственного торгового флота, ни навыков в морском деле и соответствующего технического персонала, ни благоустроенных портов и т. п., скифские властители неизбежно должны были обратить свои взоры в сторону соседних эллинских полисов. Исходя из этих побуждений, они мирным образом устанавливают протекторат над Ольвией и предпринимают экспансию против более сильного,

¹²⁵ Гайдукевич. Боспорское царство, с. 304; он же. Еще о восстании..., с. 18.

¹²⁶ См. из последних: Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. Недавняя попытка С. В. Полина (Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я. — Археологія, 1984, 45, с. 24—34) оспорить общепринятую концепцию страдает не только поверхностным привлечением письменных источников, но и отсутствием опоры в данных естественнонаучных исследований.

¹²⁷ См. Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979.

¹²⁸ См. Vinogradov. Op. cit., S. 71.

а потому не такого уступчивого Херсонесского полиса, захватывая его земли в Северо-Западном Крыму, подвергая там разгрому его укрепления и городские центры — Керкинитиду и Калос Лимен, а также усиливая набеги и на сам город и его округу ¹²⁹.

Оценивая эту экспансию скифов, не стоит упускать из виду и постоянную угрозу существованию их царства, шедшую с севера и северо-востока со стороны конфедерации сарматских племен ¹³⁰. Поддержка вождем роксоланов Тасием скифов во второй кампании Диофанта, о которой шла речь выше, не может служить препятствием для констатации подобной угрозы, поскольку роксоланы были лишь одним из обитавших в степях Приазовья сарматских племен, которые могли проводить свою независимую от других сарматов политику, приведшую их в нужный момент к временному альянсу ¹³¹ с Палаком, возможно, в обмен на какие-то уступки со стороны последнего. В такой напряженной ситуации, сколь бы могущественным ни было царство Скилура, он едва ли мог отважиться открыть и третий фронт — против Боспора, тем более что Боспорское царство, в каком бы экономическом упадке в тот момент оно ни находилось ¹³², все же представляло собой — примеряясь к военному потенциалу скифов — достаточно сильное политическое образование, объединившее целый ряд городов по обоим берегам пролива и имевшее обширную земледельческую территорию по крайней мере на Керченском полуострове. Поэтому Скилур, безусловно, должен был предпочесть попытке прямо подчинить Спартокидов своей воле и власти, что постулируется, как мы видели, большинством ученых, мирные и даже союзные с ними отношения, тем более что оборонительный союз скифов и боспорян должен был предполагать прежде всего противодействие общему врагу — воинственным, агрессивно настроенным меото-сарматским племенам Приазовья. Предложенная оценка политической ситуации в Причерноморье делает более вероятной гипотезу Блаватской об уплате Боспором все увеличивающейся дани (Strabo, VII, 4, 4) не скифам, а сарматам.

Следствием и цементирующим средством предполагаемой скифо-боспорской унии стали прежде всего династийные браки, заключаемые между представителями обеих царствующих фамилий начиная по крайней мере со второй четверти II в. В один ряд с Арготом и Сенамотис я склонен поставить — как явление одного порядка — Савмака и скифов иже с ним, хотя конкретные обстоятельства появления последних при боспорском дворе и не проясняются пока источниками. Гораздо важнее другое: скифо-боспорский союз не мог не быть обоюдовыгодным и равноправным или относительно равноправным, ибо только при таких условиях поиска дипломатических путей налаживания контактов либо мирного урегули-

¹²⁹ Подробнее см. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 131—134.

¹³⁰ См. Harmatta J. Studies in History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 15—20. Ср. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Древние укрепления Северного Крыма. — ВДИ, 1986, № 2, с. 152.

¹³¹ Это прямо подчеркнуто словами декрета (стк. 23): τὸ τῶν Πευκινῶν ἔθνος συνεπισπασσάμενον — досл. «спиритуивши на свою сторону». Ср. Strabo, VII, 3, 17: Παλάκῃ συνεπιάσαντες τῷ Σκίλῳ.

¹³² Жебелев. — СП, с. 149 сл.; Gajdukevič. Op. cit., S. 94—96. Есть все основания полагать, что концепция экономического упадка на Боспоре в рассматриваемое время — не более чем историческая аберрация. Весьма показательно в этой связи, что после более чем столетнего перерыва именно во II в. при последних трех Перисадах возобновляется интенсивная чеканка золота!

рования вспыхнувших конфликтов заключаются династийные браки — в противном случае для гарантии status quo действуют внедипломатическими средствами, к примеру, беря заложников¹³³.

В результате обоюдовыгодного соглашения Боспор получал военную помощь в случае нападения на него неприятеля, прежде всего сарматского; не исключено при этом, что какие-то скифские контингенты (например гвардия) могли постоянно находиться в боспорской столице под командованием, естественно, скифских знатных военачальников. Со своей стороны, Скилур также обретал гарантию военной поддержки в лице Перисадовых наемников в случае нападения на свое царство, но и не только это. Взятие и разгром достаточно мощно укрепленных Керкинитиды, Калос Лимена и τὰ τεῖχη показывает, что Скилур захватил их не голыми руками, но при помощи военно-осадных машин¹³⁴, применение которых требовало, разумеется, опытных греческих специалистов; все это ему было удобнее всего получать из эллинистического по своей культуре боспорского царства с его вековыми традициями военного искусства. Не исключено и предоставление Боспором скифам военного флота, появившегося у них в это время¹³⁵. Иными словами, заключение подобного гипотетического соглашения не только не было «равносильно преднамеренному самоубийству», но — напротив — весьма желательно для обеих сторон.

В заключение хотелось бы высказать одно пожелание: пусть у читателя не создается впечатление, будто бы предложенная историческая реконструкция, как и большинство выводов работы, построены на основе только публикуемого эпиграфического документа. Напротив, полученные благодаря его открытию несколько неожиданные сведения послужили лишь стимулом к пересмотру под новым углом зрения уже имевшихся в распоряжении науки источников, и в этом, на мой взгляд, самое выдающееся историческое значение votивной надписи царевны Сенамотис, дочери Скилура¹³⁶.

¹³³ Ростовцев (SEHNW, II, p. 769 f.; III, p. 1512, not. 35) также признает тесные отношения между скифской и боспорской династиями, однако, идя в русле opinio communis о давлении скифов на Боспор, он предполагает, что Савмак воспитывался у Перисада как заложник.

¹³⁴ См. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 27; Долгоруков В. С. Северопонтийские античные военные механизмы. — В кн.: Сборник докладов на IX и X ВАСК. М., 1968, с. 55 сл.

¹³⁵ См. Граков Б. Н. Термин Σκίθαи и его производные в надписях Северного Причерноморья. — КСИИМК, 1947, XVI, с. 87.

¹³⁶ После того как данная статья была сдана в печать, мне стали известны основные положения доклада А. Гаврилова об интерпретации Диофантова декрета (Gavrilov A. Das Diophantosdekret IOSPE I² 352. — In: Die Antike und Europa. 17. Internationale EIRENE-Konferenz. Berlin 11. bis 15.8.1986, S. 66 f.). Оправданно принимая предложенную Лурье атрибуцию αὐτόν в стк. 34, автор допускает, однако, возможность предположения о том, что восстание Савмака не могло бы долго продлиться без поддержки угнетенных слоев. Исследователь исходит из того, что до упоминания скифов Савмака декрет восемь раз говорит лишь «vom äußeren Skythentum», а поскольку при этом нет никакого указания на смену темы, то в Савмаке он склонен видеть полководца, занимавшего высокое положение в кругу наследников Скилура, а в сложившихся вокруг него скифах — остаток уже разгромленных Диофантом скифских войск, возрождая тем самым в главном пункте гипотезу Низе. Не будучи знаком с детальной аргументацией автора, замечу лишь, что его интерпретация вызывает ряд вопросов: каким образом педобитым частям войска Скифского царства удалось укрыться на Боспоре, и почему они были приняты там Перисадом, почему после этого Диофант едет туда один без войска, почему Савмаковы скифы не убивают своего заклятого, многократно разгромившего их врага, как они это сделали с принявшими их боспорским царем, а всего лишь составляют против него заговор и т. п. Свою позицию по этим и некоторым другим вопросам я постарался определить на предыдущих страницах.

скакунами, меняя нить ²¹, стягивая черное одеяние. Лучи Сурьи стряхнули тьму как шкуру и погрузили ее в воду». Сходный образ (ночь натягивает одеяние) встречается и в РВ I.115.4—5. Из-за цвета ее одеяния поэты ночь также называли *kṛṣṇam varṇam* (РВ I.73.7).

Но глубина как местопребывание тьмы означала также и место гибели тех, кто не приносит жертвы (Индра и его божественным спутникам), кто не исполняет *vrata*, кто, следовательно, действует вопреки *ṛta* и тем самым нарушает мировой порядок: «Мудрый хранитель Риты (здесь: Сомы, а не Варуна, как обычно) не может быть введен в заблуждение; у него три сосуда на сердце ²². Как знающий озирает он все существа; тех *avratāḥ*, которые (ему) враждебны, он сбрасывает в преисподнюю» (РВ IX.73.8). «Ты держишь золотистых (коней) бога солнца, людям (помогая). *Etasa* (сам?) унес колесо, о Индра. До берега девяноста потоков разгоняя (его), ты укатил тех, кто не приносит жертвы, прямо в преисподнюю ²³» (РВ IX.73.8). «Это колесо он (т. е. Индра) искал. Быстро несущиеся *etasa* он держит. Даже (его) в заблуждение вводящий, он прогоняет его прочь на черную основу кожи, в лоно этой тьмы» ²⁴ (РВ IV.17.14).

Если понятие *kṛṣṇā tvac* в РВ I.130.8 мы станем оценивать в рамках тех представлений о «коже» и «черной коже», которые обычны для других контекстов этого памятника, это будет более соответствовать и мировоззрению ведийских поэтов, и сути данного текста.

²¹ Образ из процесса ткачества. Брать новую нить означает создавать новую основу для всей ткани. Текст гласит: *vahiṣṭhebhīr viharan yaśi tantum avavyavann asitam deva vasma / davidhvāt rāsmayaḥ sūryasya carnevavādhūḥ tamo 'psu antaḥ //*

²² *ṛtasya gopānadabdhāya sukratus triśa pavitra hr̥dy antar ā dadhe / vidvān sa viśvā bhuvanābhi paśyaty avājūṣṭān vidhyati karte avratān //* Текст имеет два смысла, и *pavitṛā* здесь может означать также «молитву». См. также прим. 16.

²³ *tvam sūro harito rāmayā nṛṇaṁ bharas cakram etaśo nāyam indra / prāsyā pāram navatim nāvyanām api kartam avartayo 'yajyūn //* (перевод по К. Гельднеру).

²⁴ *ayam cakram iśanat sūryasya ny etasam rīgāmat sasṛmānam ā kṛṣṇa it̐ juhugāṇo jighatri tvaco budhne rajasō asya yonau //* Так же как стереотипные картины, застывшие формулы принадлежат к основе устной традиции, из которой черпали поэты. Последняя *rāda* 14 стиха представляет подобное выражение. *Tvaco budhne rajasō asya yonau* легко повторяется в измененном виде в РВ IV.1.14 в гимне, обращенном к Агни, где воспевается рождение этого бога из воды (расположенной в глубине): *sa jayatha pratham maḥ pastyasū mahō budhne rajasō yonau*. Другое параллельное выражение находится в I.130.8 (*manave śāsad avratāḥ*) и I.51.8. (*randhayā śāsad avratān*). Существование таких параллельных выражений указывает на глубокие традиционные корни передаваемых ими представлений, в данном случае также об усмирении или наказании *avratāḥ* и о глубинах как местопребывании тьмы.